

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОСЛЕ 1991 ГОДА:

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА «БЕДНОЙ НАУКИ»

Михаил Соколов

Аналитическая схема, которая используется в этой статье для того, чтобы подвести общий знаменатель под некоторые хорошо известные, но разрозненные наблюдения относительно постсоветской социологии, строится вокруг определения науки как двойной экономики — экономики одновременно денег и внимания. С одной стороны, наука представляет собой систему распределения денежных ресурсов, необходимых для проведения исследований и вознаграждения ученых, и в этом смысле мало отличается от других областей занятости (что позволяет анализировать ее традиционными экономическими методами — см., например: Wible 1998; Семенова 2007). С другой стороны, она функционирует как система обменов вниманием между теми, кто ею занимается. Заниматься наукой — значит участвовать в постоянной битве за то, чтобы привлечь внимание коллег к своей работе и побудить их привлекать к ней внимание тех, за чье внимание они сами в дальнейшем будут бороться, ссылаясь на нас как на источник, из которого они черпали эмпирические данные и теоретические конструкции. Сам «доступ к полю» обеспечивается прежде всего тем, что новичок, прочитав соответствующие статьи, продемонстрировал способность правильным образом на них сослаться в первых строках своего текста, оплатив таким образом свой вступительный взнос в наш клуб¹.

Теоретико-терминологическое замечание

Насколько известно автору, термин «экономика внимания» в социологических исследованиях науки до сих пор не использовался²; тем не менее эта идея под тем или иным названием присутствует практически в любой работе по социологии академических институтов. Список примеров включает: (1) Мертон, писавшего о системе распределения экономических ресурсов и статуса, обеспечивающей преимущественное внимание к работам ученых, доказавших свое дарование (Merton 1968)³; (2) Хагстром с его теорией обмена информации на престиж (Hagstrom 1965); (3) Уитли с его работами по научным репутациям (Whitley 1985); (4) все наукометрическое направление, построенное на количественном изучении основных документальных свидетельств, остающихся после транзакций в экономике внимания, — ссылок (например, Crane 1972); (5) Бурдьё с его работами по формам капитала в науке (Бурдьё 2002); (6) Коллинза, к терминологии которого терминология этой статьи ближе всего (Коллинз 2002 (1998)). Вся дальнейшая схема является весьма эклектичным заимствованием сразу из всех этих источников.

Михаил Михайлович Соколов. Адрес для переписки: Лаборатория социологии образования и науки, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), 190008, Петербург, ул. Союза Печатников, 16. sokolovmikhail@yandex.ru.

1 Фактически, как показали многочисленные исследования дисциплинарных границ, именно ссылки на основные авторитеты идентифицируют автора как принадлежащего к той или иной социальной науке, очерчивая границы «пространства внимания», за которым простирается пространство допустимого невежества (Becher 2001; Abbot 2001).

2 Он используется в некоторых других областях, в частности в прикладных исследованиях Web-экономики (Lanham 1994). Автор благодарен Михаилу Габовичу, который обратил его внимание на это обстоятельство.

3 Мертон очевидным образом использует здесь логику Парсонса, работы которого по генерализованным средствам обмена (в особенности по влиянию) являлись, насколько известно автору, первыми исследованиями, использовавшими силу аналогий между экономической и иными социальными системами (Parsons 1963).

Как уже констатировал Мертон, специфика науки заключается в том, что она ставит успех в своей денежной экономике в достаточно жесткую зависимость от успеха в экономике внимания. Знаменитые ученые получают позиции с большими окладами, крупные гранты на исследования и влияние, позволяющее им обеспечивать позициями и грантами своих учеников. Мертон предполагал, что в зрелой науке, не подверженной политическому давлению извне, это влияние сугубо одностороннее. Признание превращается в организационные и финансовые ресурсы и поэтому способно воспроизводить само себя в результате «эффекта Матфея», но не наоборот — деньги и академическая власть сами по себе не могут быть превращены в признание и определить направление научных поисков. Многие из позднейших исследователей указывали на важность организационных факторов, которые способствуют росту или упадку интеллектуальных движений — вне прямой связи с теми истинами, которые эти движения отстаивают (Коллинз 2002 (1998), Mullins 1977; Wiley 1979)⁴. В этой статье делается попытка продвинуться дальше в том же направлении, рассмотрев, как индуцированные внешними обстоятельствами спады в денежной экономике науки отражаются на состоянии ее экономики внимания. Специфические особенности постсоветской социальной науки — как институциональные, так и интеллектуальные — рассматриваются здесь как следствие экономического коллапса, пережитого страной в 90-е годы.

Статья состоит из четырех разделов. В первом высказываются некоторые общие предположения о динамике академической организации в состоянии перманентной нехватки финансовых средств — о том, что происходит с уже существующими институтами, и о том, как выглядят институты, в этой ситуации возникающие. В следующих разделах этот идеальный тип рассматривается в свете данных о конкретном случае — социологии в Санкт-Петербурге после 1991 года. Второй раздел предлагает общий обзор динамики петербургского социологического сообщества. Третий и четвертый подробно анализируют две противоположные во многих отношениях части этого сообщества — «академический мир» (термин Говарда Беккера), организационной базой которого являются образовательные учреждения, и «академический мир» негосударственных исследовательских центров, погруженных в грантовую экономику. В заключении высказываются некоторые предположения о возможности генерализации сделанных наблюдений на российскую социологию за пределами Петербурга.

ОСНОВНАЯ ГИПОТЕЗА: ПОНЯТИЕ «БЕДНОЙ НАУКИ»

Итак, рассмотрим следствия из модели, согласно которой ученые стремятся одновременно максимизировать свои доходы и свою известность среди коллег⁵. Эта двойная задача чревата неразрешимыми противоречиями. Ученые постоянно рискуют оказаться в ситуации, требующей выбора между выигрышем в деньгах и выигрышем в известности. Следующие примеры хорошо знакомы, вероятно, всем российским ученым. Можно получить один грант на исследование и провести его более тщательно — или получить два гранта и провести исследования кое-как, посвятив каждому вдвое меньше времени. Можно опубликовать статьи с полученными результатами — или быстро взяться за еще один исследовательский проект. Можно прочитать один курс, готовясь к каждой лекции и уделяя внимание каждому студенту, — или прочитать два курса, отработав вместо одной две преподавательские ставки. Можно прочитать несколько книг — или

---

4 Возникновение организационных баз интеллектуальных движений, разумеется, связано также с более широким процессом создания коалиций между разными силами в Академии и за ее пределами, объединяющими клики ученых, администраторов, политические организации, статусные группы, всевозможных экономических агентов и, как уверяет нас Бруно Латур, даже неодушевленных актантов в единые сети (Bourdieu 1988; Latour 1983; Каради 2004).

5 Следует сразу оговорить, что это описание вводит *модель* академического поведения. Как любая модель, она упрощает отображаемый ею объект. Во время обсуждений черновиков этой работы много критических замечаний было высказано по поводу того, что реальные ученые имеют и другие мотивы помимо сребролюбия и тщеславия. Вряд ли кто-то станет с этим спорить. Я предлагаю лишь — следуя стратегии, ассоциирующейся с Вебером, — попробовать систематически оценить, как много в динамике реальной науки мы сможем понять, пользуясь «персональным идеальным типом», для которого релевантны эти два (и только эти два!) мотива.

экономить на чтении время, посвятив его какой-либо более перспективной в финансовом отношении активности.

Формальные и неформальные институты науки организованы так, чтобы устранить всегда готовые возникнуть здесь противоречия. В каждом из этих примеров легкий выигрыш в количестве наличных денег сейчас влечет за собой в дальнейшем вероятный проигрыш в количестве внимания и соответственно материальные потери. Результаты плохо проведенного исследования могут не удовлетворить фонд, его финансировавший, и исключают возможность получения дальнейших грантов от него. Такие результаты вряд ли удастся опубликовать, а если и удастся, то их или не заметят, или, что еще хуже, заметят как халтуру. Если же не публиковать их вовсе, то работа окажется тем более неэффективной в плане завоевания признания по сравнению с трудом более ответственных коллег, чьи имена попадут в индексы цитирования. Плохо прочитанный курс создаст репутацию дурного преподавателя и не привлечет способных аспирантов. Недоработанный учебник не будет пользоваться спросом и вызовет недовольство коллег, которые, пока он писался, все-таки читали нужные книги. Быстрый материальный выигрыш сегодня неизбежно влечет за собой проигрыш в количестве завоеванного внимания завтра — и последующий за ним материальный проигрыш послезавтра.

Эти ограничивающие соображения, однако, могут варьироваться в своей действенности в зависимости от общего экономического контекста. Люди, стоящие перед лицом реального, не фигурального голода, вряд ли будут так же озабочены ими, как те, чье элементарное физическое и социальное благополучие обеспечено. Ученые в России в 1990-х годах — в период, на которой в стране пришлось институционализация социологии, — находились на грани выживания⁶. С точки зрения чисто материального вознаграждения (о нем они вынуждены были заботиться прежде всего), вклад в репутацию был разновидностью долговременных инвестиций, которые они просто не могли себе позволить. Большинство из них не могли позволить себе думать о завтра, не говоря уже о послезавтра. Излюбленная экономистами версия «эффекта Матфея» давала здесь себя ощутить в полной мере: богатые имели возможность вкладывать и приумножать богатство, в то время как бедные вынуждены были проедать все запасы — включая запасы репутации — сразу.

Угроза, которую несет в себе возрастающая относительная важность экономических вознаграждений, неоднократно рассматривалась исследователями науки. Бурдьё писал об «относительной незаинтересованности ученых» как о значительном, хотя и не всегда замечаемом достижении архитектуры поля науки (Бурдьё 2002; обобщение для всего культурного производства — в Bourdieu 1983). Норт указывал на то, что лишь институционально обеспеченное снижение прямых экономических издержек, связанных с принятием каких-либо решений, способно побудить людей систематически принимать их в соответствии со своими высшими убеждениями и ценностями (Норт 1997 (1990)). Это достигается, по крайней мере частично, системой академических институтов, с одной стороны, за счет ее включения в более широкий социальный контекст с эффективно работающими системами социального обеспечения, с другой — за счет четко очерченных пределов экономического успеха, который возможен в ее рамках. Даже очень знаменитый западный ученый редко получает зарплату, превосходящую в три раза зарплату его малоизвестного коллеги того же возраста⁷. Их индексы цитирования, однако, могут различаться в десятки раз. Состязание в количестве признания просто

---

6 Автор неоднократно сталкивался с тем, что упоминания о «границе выживания» не воспринимались с должной степенью серьезности, причем как западными исследователями, так и более молодыми отечественными коллегами, которые происходили из менее пострадавших от экономического шока социальных сред. Между тем подавляющее большинство известных мне семей советских научных сотрудников в Ленинграде-Петербурге, включая значительное количество людей с международной репутацией в физике и геологии, хранят воспоминания о голодных обмороках, съеденных кошачьих консервах, 200-граммовых кусочках дешевого российского сыра, которые дарились на дни рождения, и обменах купленной на талоны водки на мясо.

7 И, как неоднократно уверяли автора американские социологи, эта зарплата в США все равно будет значительно меньше, чем заработок среднестатистического дантиста (никаких точных данных по этому поводу найти не удалось, так что проверку данного утверждения автор предоставляет читателю).

гораздо интереснее в таких условиях⁸. В этой статье рассматривается возможность, которую Бурдье и Норт предусматривают, но не описывают в деталях: что происходит, когда все эти предохранительные механизмы перестают работать.

Мы можем получить ответ на этот вопрос, рассматривая возникшие за последние два десятилетия институты российской социологии — прежде всего неформальные. Формальные институты были или унаследованы от предыдущих периодов (правила, конституирующие университеты и академию наук), или более-менее точно скопированы с западных аналогов (РГНФ и РФФИ — государственные фонды, осуществляющие поддержку исследований, а также некоторые прогрессивные университеты и исследовательские институты), или просто представляли собой филиалы западных учреждений, действующих в России (фонды Сороса, МакАртуров, Форда и прочие). Любая система формальных институтов, однако, приводится в действие сопутствующей ей системой неформальных правил, которые в некотором роде задают направление ее работы. Один и тот же формальный институт может использоваться теми, кто приводит его в действие, в совершенно разных личных целях. Наука может служить источником удовлетворения от достижения состояния, в котором «ум успокаивается», обнаружив порядок в хаосе, или источником удовлетворения тщеславия за счет признания коллег, или, наконец, источником средств к существованию. Внешний вид академических институтов (под «внешним видом» подразумевается коллективно поддерживаемая видимость следования формальным правилам) не изменится принципиально от того, что мотивы наполняющих их индивидов претерпят изменения.

Мы можем предполагать, что действия ученых всегда мотивированы некой смесью самых разных побуждений. Однако их пропорции изменчивы, и преобладающий на данном историческом этапе тип мотивации задает систему неформальных правил, которые могут воспроизводиться и после того, как сам этап завершен. Эти неформальные правила в конечном счете определяют направление, в котором развивается наука, в том числе и направление эволюции формальных институтов. Центральная гипотеза этого текста, таким образом, состоит в том, что основной логикой развития постсоветской социологии (как и других социальных наук) являлось стремление увеличивать краткосрочные материальные выгоды всех вовлеченных лиц. Эта логика задает своеобразный «этнос науки», который разительно отличается от мертоновского, зато временами напоминает этнос «аморальной семейственности» Бэнфилда, в особенности по своим последствиям для сообщества в целом (Banfield 1958).

Как можно предположить на основании всего сказанного, «бедная наука» — наука, которая развивается за счет стремления ученых заработать на кусок хлеба, — неизбежно будет страдать от перманентного дефицита внимания и от крайне неэффективного его распределения. Ее ученые будут включаться в «экономику внимания» лишь постольку, поскольку это включение способно повлиять на их немедленное финансовое вознаграждение. Однако формальные академические институты — как более привычные для России, так и недавно импортированные — содержат лишь сравнительно ограниченный набор вознаграждений, немедленно следующих за успешным ходом в конкуренции за внимание коллег. Поэтому ученые в бедной науке будут стремиться прочитать так мало работ своих коллег, как возможно, и публиковаться ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы преодолеть заданные формальными рамками квалификационные тесты и соответствовать минимальным требованиям рынка труда. Задача оказаться в центре внимания коллег если и будет ими рассматриваться, то только как вторичная. Продолжая нашу исходную метафору, мы можем ожидать в системе обменов вниманием коллапса, редуцирующего современную экономику науки к состоянию экономик европейского раннего Нового времени — множеству полузамкнутых, территориально локализованных рынков, взаимодействие между которыми сводится к сравнительно незначительному обмену предметами интеллектуальной роскоши. Это, в свою очередь, весьма вероятно, приведет к следующему набору наблюдаемых последствий.

---

⁸ Устройство советских академических институтов с их уравнительной системой оплаты было еще ближе к идеалу экономической незаинтересованности ученого. Этот пример показывает, что, разумеется, далеко не все искажения в функционировании «экономики внимания» можно свести к вторжению рыночной логики.

1. *Общий дефицит внимания.* Скорее всего общее количество профессионального внимания, циркулирующего в «бедной науке», будет ниже, чем в более обеспеченной дисциплине.

2. *Прогрессирующая не-дисциплинарная фрагментация пространства внимания.* Дробление социальных наук на специализированные дисциплины и субдисциплины является, безусловно, общемировой тенденцией. Территория за пределами дисциплинарных границ становится зоной легитимного невнимания — отсутствие осведомленности за пределами своей области специализации не является дисквалифицирующим ученого обстоятельством. Поскольку количество нашего внимания — несмотря на всевозможные полезные изобретения типа реферативных журналов — весьма ограничено, сам рост числа ученых вызывает специализацию. В «бедной науке», в которой количество внимания каждого отдельного игрока ограничено в еще большей степени, этот процесс происходит быстрее. Однако различие не только в количестве, но и в качестве.

«Дисциплинарная» фрагментация является достаточно дорогим — как в смысле времени, так и в смысле денег — предприятием для производящего его профессионального сообщества. Для того чтобы следить за развитием своей области специализации (скажем, исторической социологией государства или исследованиями социальных сетей), необходимы доступ к периодике (которую в России ни одна библиотека не может себе позволить выписывать в достаточном объеме) и регулярные посещения конференций по всему миру (на которые далеко не всегда удастся попасть за счет принимающей стороны). Издержки передачи информации такого рода достаточно высоки. Они могут быть снижены, но только за счет иных принципов дифференциации научного сообщества: не на основании дисциплинарной принадлежности, а на основании территориальной и / или институциональной близости (последнее в данном случае обозначает просто «работу в одном учреждении»), личных социальных сетей, совместной вовлеченности в приносящие доход проекты. Сегменты профессионального сообщества в России составляют не специалисты, работающие над одной проблемой, а компании старых друзей, коллег, работающих в одной комнате, или людей, совместно эксплуатирующих структуру академических возможностей, что, впрочем, чаще всего обозначает одну и ту же группу.

3. *Предпочтение «дешевой теории».* Смысл «дешевой теории» состоит в том, чтобы минимизировать издержки на получение признанной исследовательской квалификации. В современной социологии от каждого ее представителя ожидается, что он (она) однозначно припишет себя к одному из теоретических лагерей, ясно идентифицируя в каждом тексте подход к анализу общества, которому он (она) следует⁹. С точки зрения временных и финансовых затрат, использование разных подходов предъясвляет разные требования. В нашей «бедной науке» однозначно будут предпочитаться перспективы, которые:

а) подразумевают низкие временные затраты на приобретение квалификации;

б) не требуют значительных средств для проведения исследований;

в) гарантируют относительный иммунитет от критики со стороны сторонников других теоретических направлений и позволяют, таким образом, избежать необходимости разбираться в характере тех аргументов, которые критики выдвигают.

Эти требования заведомо исключают некоторое количество подходов: или потому, что те сложны и требуют значительного времени на овладение (скажем, математическая социология Коулмэна, Уайта и других), или потому, что они подразумевают значительные средства для проведения исследований (большинство количественных исследований в российских условиях, учитывая, что официальная статистика неточна и недоступна). Безусловно, исключение некоторых подходов исключает и предметные области, в которых они преобладают. Именно набор этих условий и определяет интеллектуальный профиль российской социологии.

⁹ Существуют эклектики, соединяющие разные позиции ad hoc и свободно меняющие их от работы к работе, и существуют (еще) радикальные эмпирики, которые отказываются идентифицировать свой подход вовсе. Однако и та, и другая позиции требуют очень большой теоретической квалификации для того, чтобы позволить своему носителю выжить в джунглях современной социологии (Scheff 1995).

Экономика внимания, для которой характерны эти паттерны его распределения, малоэффективна по сравнению с той, в которой преобладает дисциплинарная фрагментация, а выбор направления инвестиций внимания не диктуется финансовыми соображениями. Разумеется, понятие «эффективность» является весьма расплывчатым даже применительно к традиционным областям экономического анализа. Оно тем более оказывается таковым, когда мы пытаемся использовать его для анализа интеллектуальной жизни. И все же некоторые основания для этого — хотя бы просто как вольной аналогии — существуют. Коротко говоря, под «эффективной экономикой внимания» может пониматься такая система производства и распределения внимания, которая минимизирует его потери, иными словами — сводит к минимуму вклад времени и усилий в работу, которая затем оказывается никому не нужной. В идеально эффективной экономике внимания все написанные статьи кем-то читались бы и цитировались, полученные результаты никогда не дублировали бы друг друга, а исследования, заведомо уязвимые для фатальной критики, не проводились бы вовсе. Уже классические исследования Мертона и Прайса продемонстрировали, что ни одна наука даже близко не приближается к этому состоянию. Но в степени отдаленности от него есть существенные вариации как между дисциплинами, так и между национальными академическими сообществами.

Центральный тезис этой статьи заключается в том, что состояние финансовой экономики институтов науки является одной из независимых переменных, объясняющих эти вариации. Весь остальной текст представляет собой серию эмпирических иллюстраций для данного утверждения. В следующей (второй) части рассматриваются самые общие аспекты фрагментации профессионального сообщества петербургских социологов и демонстрируется, как бедность институтов науки ограничивает коммуникации между учеными и делает неизбежными многочисленные дублирования в их работе. Далее по отдельности обсуждаются два крупных сегмента социологического сообщества, ориентированных соответственно на рынок образовательных учреждений и интернациональную грантовую экономику. В третьей части, посвященной государственным вузам, описаны институциональные рамки, которые поощряют полное самоустранение людей, называющих себя социологами, из дисциплинарной экономики внимания. В четвертой части, преимущественно состоящей из анализа одного негосударственного исследовательского института, существующего на деньги западных фондов, показывается, что и эта организационная форма допускает неэффективное распределение внимания.

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В Санкт-Петербурге несколько сотен социологов. Попытка более точно определить их количество приводит нас напрямую к некоторым наиболее характерным особенностям «бедной науки». Границы профессиональных или дисциплинарных групп обычно рассматриваются под углом символической борьбы, которая ведется за включение / исключение части претендующих на принадлежность к сообществу, в нашем случае — борьбы за определение, кого можно считать «настоящим социологом» (Бурдьё 2002). Любое методическое решение (кого включить в выборку?) здесь приобретает научно-политическую проблематичность. Парадоксальным образом сложности, с которыми мы сталкиваемся, очерчивая границы петербургской социологии, прямо противоположны. Многие люди, зарабатывающие на жизнь преподаванием социологии или проведением исследований, настолько не заботятся о получении подобного признания от своих коллег, что вообще никогда не заявляют на него претензий и соответственно остаются для последних совершенно невидимыми.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ

В городе базируются две социологические ассоциации — Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС) и Русское социологическое общество им. Ковалевского. В период своего процветания СПАС

насчитывал 176 членов, из которых 167 проживали в Петербурге. Любой из его членов, однако, легко мог назвать несколько ключевых фигур в профессиональном сообществе, никогда в Ассоциации не состоявших (например, редактора крупнейшего петербургского профессионального издания «Журнал социологии и социальной антропологии» Владимира Козловского).

Некоторая информация о деятельности профессиональных ассоциаций

Автор является членом СПАС с 1997 года, и с 1999 по 2007 год входил в состав его правления. За это время СПАС пережил расцвет, связанный с получением институционального гранта от фонда Сороса (в 2001–2003 годах), позволившего обеспечить всех членов подпиской на журнал «Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (см. ниже), выпустить справочник «Кто есть кто в петербургской социологии» (Социологи Петербурга 2003), создать постоянно обновляемый сайт и платить небольшую зарплату секретарю, занимающемуся электронной рассылкой. За расцветом, однако, последовал упадок. Грант закончился, а членские взносы, которые Ассоциация собирала, были едва достаточны для того, чтобы нанять бухгалтера, сдающего отчетность Ассоциации в налоговые органы (в настоящее время работа секретаря и бухгалтера финансово поддерживается СИ РАН и ЦНСИ). Прекращение подписки на журнал, фактическое закрытие рассылки и попытка Ассоциации поднять членские взносы (в данный момент составляющие 300 рублей в год) привели к сокращению числа состоящих в СПАС. Основная деятельность СПАС в последние годы сводится к проведению конкурсов на лучшее исследование в области социологии (отдельно — студенческое и «взрослое»).

В стремлении максимально увеличить свою численность и представительность обе ассоциации предъявляют лишь минимальные требования к кандидату. За время работы автора в правлении СПАС имел место один-единственный случай, когда пожелавший вступить в Ассоциацию не был в нее допущен с первого раза (всего за 1999–2007 годы было принято порядка 50 человек). Правление было настолько озабочено представительностью Ассоциации, что поддерживало избрание в свои ряды людей, относительно которых было известно, что они вряд ли когда-либо появятся на заседании или заплатят взнос, но которые представляли крупные социологические организации (например, факультет социологии СПбГУ — см. ниже)¹⁰. В дополнение к этому надо сказать, что вторая локализованная в Петербурге профессиональная ассоциация, Общество М.М. Ковалевского, еще более либеральна в критериях членства и считает пожизненно принадлежащим к ней любого, однократно заплатившего членские взносы¹¹.

Ассоциации наталкивались на непреодолимое препятствие: у потенциальных членов отсутствовал элементарный интерес к участию в какой-то общей организации; несмотря на значительную численность

---

10 «Дилемма ассоциаций» хорошо известна из истории науки. Ассоциация приобретает некоторую власть над членами профессиональной группы лишь тогда, когда к ней уже принадлежит большинство членов этой группы (или по крайней мере подавляющее большинство наиболее авторитетных фигур). Однако сам факт привлечения большинства исключает шаги, которые против этого большинства в каком-либо смысле направлены, прежде всего в области повышения профессиональных стандартов. Как выразился один из членов правления, «нам надо вначале зачислить всех, а потом исключить девять десятых за профнепригодность». Интуитивно понятно, с какого рода практическими сложностями такая стратегия столкнется. Что еще хуже, готовность — хотя бы на первом этапе — принять всех вызывает откровенное пренебрежение к ассоциации у самих принимаемых. Так, СПАС долго не мог решить, насколько строгой должна быть политика в отношении не уплативших членские взносы, поскольку их немедленное исключение привело бы к драматическому снижению численности. Эту нерешительность некоторые из неплательщиков толковали не в его пользу: «У меня такое ощущение, что СПАС несколько дискредитировал себя, потому что если они пишут список людей, которые не платят членских взносов... (долгая пауза, сопровождаемая пожиманием плечами)».

Эта ситуация имеет множество прецедентов в истории профессиональных ассоциаций, некоторые из них закончились для последних благополучно. Так, история превращения Американской медицинской ассоциации в одну из самых мощных профессиональных корпораций в стране рассматривается в блестящей «Социальной трансформации американской медицины» Пола Старра (Starr 1982).

11 Автор вступил в нее, когда был студентом-первокурсником, привлеченный красной книжечкой, удостоверявшей членство. Книжечка издавала походила на удостоверение курсанта школы милиции и позволяла пройти бесплатно в метро, так что окупилась в течение недели.

ассоциаций, многие работающие в городе социологи просто не подозревали об их существовании. За время работы в СПАС автор убедился, что не существует никаких каналов распространения информации, которые гарантировали бы ее получение большинством петербургских социологов, поскольку нет никаких сетей, связывающих их между собой. Эта сложность в полной мере дала о себе знать во время работы над справочником «Социологические организации Петербурга», также изданном СПАС в 2003 году. Всем 176 членам Ассоциации было разослано письмо с просьбой предоставить сведения об организациях, сотрудниками которых они являются, а также передать соответствующую информацию о готовящемся издании коллегам, к СПАС не принадлежащим. СПАС фактически предлагал бесплатную рекламу, но сбор данных стал настоящей головной болью. В итоге сведения о большинстве организаций, в которых работали члены Ассоциации, все же были собраны. Среди них оказалось много таких, о которых, несмотря на заявленные внушительные размеры и списки исследовательских проектов, большинство членов правления услышали впервые.

Сопоставление с другими источниками, однако, обнаружило значительную неполноту полученного списка. Так, в справочник попало только два факультета социологии (Европейского университета в СПб и СПбГУ — детали см. ниже), в то время как список государственного Учебно-методического совета (УМО) по социологии называл в 2005 году семь образовательных программ, выдающих дипломы социологов низшей ступени¹². Выпущенный в 2001 году Обществом Ковалевского справочник «Преподаватели социологии Санкт-Петербурга» (*Преподаватели социологии... 2001*) перечисляет 22 структурных подразделения, специализирующихся на преподавании социологии (в большинстве случаев это кафедры, совмещающие преподавание социологии с философией, культурологией, политологией или психологией), на которых курсы по социологии читают по меньшей мере 282 преподавателя (авторы справочника признают, что он «не претендует на полноту»)¹³. Из этих 282 человек в СПАС в соответствующий период состоял лишь 51¹⁴.

Печальный опыт дисциплинарных ассоциаций в Петербурге отражает предельную фрагментированность сообщества и незначительность потоков внимания, циркулирующих между его сегментами. Ни одно событие внутри дисциплины — ни интеллектуальное, ни политическое — не может привлечь внимания большинства социологов в городе, поскольку те никак не связаны между собой. Далее мы увидим, как организованы сами эти сегменты.

ОРГАНИЗАЦИИ

Крупнейшими профессиональными организациями в Петербурге являются следующие.

(1) Факультет социологии одного из старейших и крупнейших в стране Санкт-Петербургского государственного университета, на котором на начало 2007 года работало 107 преподавателей и обуча-

---

¹² А именно: Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский университет культуры и искусства, Санкт-Петербургский филиал государственного университета — Высшей школы экономики, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский инженерно-экономический университет, Санкт-Петербургский морской технический университет и Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики.

¹³ Например, из десяти преподавателей Европейского университета в СПб в список попало только пятеро. Составитель сборника, Михаил Глотов, на вопрос о методах сбора информации для издания рассказал автору следующее: он исходил из того, что, поскольку социология входит в образовательный Госстандарт, ее должны преподавать во всех вузах. Вооружившись официальным справочником «Образование сегодня. Санкт-Петербург 2001 год», выпускаемым мэрией, он обзвонил все 126 перечисленных в нем университетов и академий и получил информацию о преподавателях социологии в 79 из них (в пяти государственных вузах, несмотря на требование Госстандарта, лекции по социологии не читались).

¹⁴ Всего в СПАС в 2001 году числилось около 160 человек. Если предположить, что СПАС и сборник представляют несвязанные случайные выборки из одной и той же популяции (а всех преподающих курсы по социологии зачислить в социологи, даже если они являются профессиональными лекторами по любой социально-научной специальности), мы можем приблизительно оценить общую численность городского профессионального сообщества в 900 человек. Оценка, однако, условна, поскольку выборки вряд ли являются несвязанными.

лось порядка 1000 студентов, магистрантов и аспирантов¹⁵. Факультет образует единый административный комплекс с Научно-исследовательским институтом комплексных социальных исследований (НИИКСИ), насчитывающим 72 сотрудника (Ильина, Кравец 2003), из которых сайт¹⁶ перечисляет в качестве научных 35.

(2) Социологический институт Российской академии наук (СИ РАН, до 2000 года — СПб филиал Института социологии РАН с головным отделением в Москве), в котором работают 60 человек (из них 46 научных сотрудников)¹⁷.

(3) Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ), негосударственный институт, существующий целиком за счет грантов и укомплектованный преимущественно недавними выпускниками городских социологических факультетов (30 научных + 5 вспомогательных сотрудников по состоянию на начало 2007 года).

(4) Факультет политических наук и социологии (ПНИС) Европейского университета в СПб — небольшой аспирантский департамент, насчитывающий всего 12 преподавателей (+ один приглашенный) и около 50 слушателей. Постоянно меняется число научных сотрудников (статус, который иногда предоставляется выпускникам по их просьбе после защиты диссертации).

(5) Факультет социологии петербургского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики (ГУ — ВШЭ, или «Вышка»), на котором преподавало, по состоянию на начало 2007 года, десять человек (еще пятеро перечислены на сайте в качестве «приглашенных преподавателей») и училось около 120. (Имевшая до этого года только бакалавриат по социологии, «Вышка» теперь предлагает еще и магистерскую программу.)

Эти организации в общей сложности насчитывают около 240 научных сотрудников и преподавателей¹⁸.

Историческая справка о социологических учреждениях Петербурга

Первым из перечисленных организаций возник НИИКСИ — воплощение проекта междисциплинарной и сравнительно неидеологичной социальной науки. Он был создан в 1965 году при Ленинградском государственном университете на базе четырех лабораторий, одна из которых — первая в СССР социологическая лаборатория под руководством Владимира Ядова.

Следующей, на этот раз в недрах Российской академии наук, возникла организация, которая после многих трансформаций (описанных в: Фирсов 2001) превратилась в Социологический институт РАН

15 Данные с сайта www.soc.ru, август 2007 года. Для справочника 2003 года факультет предоставил цифру в 117 человек (*Социологические организации Санкт-Петербурга... 2003*), не уточняя, однако, входят в это число только преподаватели или еще и административный персонал.

16 <http://www.niiksi.spbu.ru>, август 2007 года, более точные данные в самом институте автору предоставить отказались.

17 <http://www.si.ras.ru/>, август 2007 года.

18 Сумма меньше получаемой простым сложением. Многие социологи в Петербурге работают на нескольких работах (издержки бедности каждого конкретного института), некоторые совмещают позиции в двух из перечисленных учреждений (а один из них — автор данной статьи — работает одновременно в трех). Пересечения между организациями достаточно красноречиво описывают их относительную близость (в скобках — проценты от общего числа сотрудников, работающих в обеих организациях, от численности по столбцу). Из-за непостоянства числа научных сотрудников ЕУ в СПб они в расчеты не включены:

	СПбГУ	НИИКСИ	ИС РАН	ЦНСИ	ГУ — ВШЭ	ЕУ
СПбГУ	107 (100%)	9 (26%)	2 (4%)	2 (7%)	0	2 (15%)
НИИКСИ	9 (12%)	35? (100%)	0	0	0	0
ИС РАН	2 (2%)	0	46 (100%)	0	0	0
ЦНСИ	2 (2%)	0	0	30 (100%)	3 (20%)	2 (15%)
ГУ — ВШЭ	0	0	0	3 (10%)	15 (100%)	3 (23%)
ЕУ	2 (2%)	0	0	2 (7%)	3 (20%)	13 (100%)

(между 1989 и 2000 годами — Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН, до 1989 года — Институт социально-экономических проблем). Ее ядро по-прежнему составляют сотрудники лабораторий Владимира Ядова и Андрея Здравомыслова, лидеров т.н. «ленинградской школы» в советской социологии, работавших в Ленинграде до своего отъезда в Москву.

В 1989 году из экономического факультета ЛГУ выделяется факультет социологии, первое время находившийся в открытом конфликте с СИ РАН, поскольку среди его создателей было несколько профессиональных марксистско-ленинских критиков советской социологии. Деканами факультета, однако, становились более нейтральные фигуры, и старый конфликт между «идеологами» и «учеными» постепенно сошел на нет. С тех пор соцфак превратился в крупнейшую из социологических организаций, практически поглотив пришедший в упадок НИИКСИ.

Приблизительно к тому же времени относится появление большинства факультетов и кафедр социологии в городе (часто это бывшие кафедры научного коммунизма) и первых маркетинговых фирм. Среди последних надо упомянуть СНИЦ (основан в 1988 году) и Gallup SPb (основан в 1992 году), в создании которых энергично участвовали члены «ленинградской школы», обладавшие квалификацией, необходимой для проведения опросов.

В 1991 году был создан ЦНСИ, первый негосударственный институт, живший исключительно на исследовательские гранты, позиционировавший себя как организацию, целиком опирающуюся на качественные методы и теоретический конструктивизм и таким образом дистанцировавшийся и от советских марксистов, и от преимущественно лазарсфельдовской количественной социологии «ленинградской школы». Одним из организаторов ЦНСИ был Виктор Воронков, в то время сотрудник СПб филиала ИС РАН.

В 1996 году официально начал прием слушателей факультет политической науки и социологии Европейского Университета в СПб, построенного по принципу американского аспирантского департамента. Несмотря на небольшой — по сравнению с соцфаком СПбГУ — размер, факультет ПНИС, вероятно, более известен за пределами страны, чем любое другое из перечисленных учреждений. Ядром его преподавательского состава является группа обладателей докторских степеней, полученных в ведущих европейских и американских университетах¹⁹, а присуждаемые им степени валидируются университетом Хельсинки. ЦНСИ в значительной степени укомплектован выпускниками факультета социологии СПбГУ и Европейского университета в СПб (из 30 сотрудников ЦНСИ соцфак СПбГУ закончили 8 человек, магистратуру ЕУ — 13).

Наконец, последним появился социологический факультет ГУ — ВШЭ, на котором работает часть преподавателей ЕУ в СПб и значительное число его недавних выпускников.

ЖУРНАЛЫ

Завершая перечисление основных институтов петербургской социологии, необходимо упомянуть два журнала: «Журнал социологии и социальной антропологии» (ЖССА) и «Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (ныне — «Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований»). ЖССА, входящий в список государственной Высшей аттестационной комиссии²⁰, издается на факультете социологии СПбГУ с 1998 года. «Телескоп» издается с 1996 года усилиями одного человека — сотрудника

¹⁹ Беркли, Кембридж, Колумбия, Мичиган, Страсбург и Хельсинки. До 2007 года все работавшие в Петербурге обладатели западной степени Ph.D. по социологии преподавали в ЕУ в СПб (в 2007 году на факультете социологии СПбГУ появился преподаватель с докторской степенью университета Магдебурга). Дополнительные данные на сайте www.eu.spb.ru.

²⁰ ВАК официально утверждает присуждение университетом ученой степени. Недавно в попытке противостоять инфляции степеней (см. ниже) Министерство образования РФ выпустило постановление, требующее от диссертанта опубликовать некоторое количество статей в «хороших» — то есть признаваемых ВАК — журналах. Критерии попадания в список «хороших» остались совершенно неясными (и широко распространявшиеся слухи называли даже конкретную сумму, в которую обходилось место в этом списке). Новое положение вещей дало редакторам значительную власть и возможность более-менее официально извлекать доходы, взимая плату за оперативную публикацию статей нетерпеливых диссертантов.

маркетинговой фирмы СНИЦ и одновременно СИ РАН Михаила Илле. В последние годы «Телескоп» также получает финансовую поддержку от факультета социологии СПбГУ²¹.

Если наука — это экономика внимания, то журналы — это рыночные площадки, на которых происходят обмены (Александров 2006). И ЖССА, и «Телескоп» в этом смысле представляют собой не ту картину, которая порадовала бы экономического неолиберала. Большинство авторов обоих журналов происходят из двух учреждений — тех самых, в стенах которых эти журналы издаются (см. табл. 1 и 2). Их рынки больше всего похожи на ярмарки в небольшом городке, которые проводятся под контролем местного лорда и привлекают крестьян из окрестных деревень. Иногда заезжает торговец из города покрупнее, кое-кто из местных временами выбирается за пределы родной провинции и привозит с собой то, чего здесь не купить²². Но не они делают основной торговый оборот.

Таблица 1

Укорененность изданий в локальном сообществе

	ЖССА	«Телескоп»	СоцЖур	СОЦИС	AJS	ASR
Доля авторов из материнских организаций, %	39	35	35	11	6,5	6
Доля авторов из города, в котором издается журнал, %	61	96	47	47	6,5	6

Таблица 1 представляет собой эту картину в менее образной форме. В столбцах таблицы даются данные за 2000–2001 годы по двум петербургским журналам — «Телескопу» и ЖССА, а также по двум московским — издаваемому московским Институтом социологии РАН «Социологическому журналу» (СоцЖур) и старейшему в стране периодическому изданию «Социологические исследования» (СОЦИС). СОЦИС как орган РАН также базируется в стенах Института социологии. Кроме того, включены для сравнения данные о двух важнейших американских социологических журналах — *American Journal of Sociology*, издаваемом университетом Чикаго, и *American Sociological Review*, издаваемом Американской социологической ассоциацией (в тот момент редакция ASR физически находилась в Мэдисоне, штат Висконсин). В строках таблицы 1:

первая — доля авторов из организации / организаций, сотрудником которых является главный редактор (в петербургском случае — редактор ЖССА Владимир Козловский был одновременно сотрудником соцфака СПбГУ и СИ РАН, а редактор «Телескопа» Михаил Илле — сотрудником СИ РАН и маркетинговой фирмы СНИЦ, в московском — Жан Тющенко был сотрудником ИС РАН, Геннадий Батыгин — ИС РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук — МВШСЭН);

вторая — доля авторов из города, в котором издается журнал.

21 Третьим локальным журналом является университетский «Вестник СПбГУ», в котором также время от времени публикуются статьи по социологии, однако он не был включен в анализ, поскольку обладал ничтожным тиражом и за все время, пока автор занимался социологией в Петербурге, он не видел ни одной ссылки на него. Подавляющее большинство петербургских социологов просто не подозревают о его существовании.

22 Время от времени редакторы публиковали переводы изданных ранее в других местах статей или отрывков из книг. Так, в 2000–2001 годах в ЖССА были изданы переводы текстов Норберта Элиаса, Вернера Зомбарта, Лорана Тевено и Люка Болтански.

Таблица 2

Распределение авторов по организациям

Места по частоте публикаций	ЖССА	«Телескоп»	СоцЖур	СОЦИС ²³	AJS	ASR
1	СИ РАН — 17 (22%)	СИ РАН — 31 (28%)	ИС РАН — 22 (35%)	ИС РАН — 28 (9%)	Стэнфорд — 16 (12%)	Пенсильвания — 14 (8%)
2	СПбГУ, социология — 14 (18%)	СПбГУ — социология — 20 (18%)	СИ РАН — 7 (11%)	ИСПИ РАН — 11 (4%)	Висконсин — 11 (8%)	Висконсин и Огайо — по 11 (6%)
3	Ун-т Билефельда — 5 (6%)	СНИЦ; Информационно-аналитический центр Администрации СПб ²⁴ — по 8 (7%)	Нижегородский ун-т, факультет социальных наук; МВШСЭН / ГУ — ВШЭ — по 3 (5%)	Институт экономики и организац. промышл. произв. Сибирского отделения РАН — 9 (3%)	Чикаго — 9 (7%)	
4	Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН — 4 (5%)			Самарский ГУ, социология ²⁵ — 8 (3%)		Стэнфорд и Северная Каролина — по 10 (5%)
5	СПбГУ, философия; Ун-т Магдебурга; ENESS — по 3 (4%)	Маркетинговый отдел «Ленстрой Инвест Менеджмента» — 6%	ЕУ в СПб; кафедры социологии Томского, Ивановского и Новосибирского университетов — по 2 (3%)	ГУ — ВШЭ — 7 (2%)	Пенсильвания, Беркли и Аризона — по 7 (5%)	
6		Той-Опинион; Гортис — по 5 (6%)		Институт экономики и социологии Уральского гос. профес.-педагогич. университета — 6 (2%)		
7	ЦНСИ; Ун-т Саратова; ИФ РАН — по 2 (3%)	Гэллуп СПб; Борис Докторов, независимый исследователь — по 4 (4%)	Остальные — не более 1 публикации	Уральский ун-т; редакция СОЦИСа — по 5 (2%)	Гарвард, Корнелл и Мичиган — по 6 (4%)	Мичиган — 7 (4%)
8				ИФ РАН; Институт социально-экономических проблем народонаселения — по 4 (1%)		Гарвард — 6 (3%)
9	НИИКСИ — 2 (2%)			Колумбийский ун-т — 5 (4%)		Чикаго и Принстон — по 5 (3%)
10						
Всего по 10 первым организациям	55 (70,5%)	93 (85%)	45 (71,5%)	87 (29,6%)	80 (58%)	88 (48%)
Всего	78 (100%)	109 (100%)	63 (100%)	293 (100%)	137 (100%)	183 (100%)

23 Для СОЦИСа, выпускающего 12 номеров в год и публикующего преимущественно сравнительно короткие статьи, были взяты данные только за 2001 год.

24 Сотрудники администрации опубликовали всего две статьи, в создании которых участвовало, однако, восемь человек.

25 Высокие результаты Самарского университета в основном являются результатом появления в № 7 СОЦИСа блока статей «У нас в гостях самарские коллеги».

Таблица 2 дает дополнительные данные по концентрации авторов: по столбцам — издания, по строкам — места организаций в рейтинге, построенном на основании численности опубликованных работ, а также сама эта численность и процент представителей каждой организации от общего числа авторов. Один и тот же автор, опубликовавший за изучаемый период две (и более) статьи, считался соответственно два (и более) раза. Для авторов с множественными аффилиациями учитывалась только первая²⁶. Учитывались только полнотекстовые статьи — обращения редактора, рецензии, переводы классических текстов, интервью и прочее в анализ не включалось²⁷.

Табл. 2 содержит важные свидетельства территориальной фрагментации пространства внимания. Общая доля статей московских исследователей в двух петербургских журналах — 2%, петербургских в двух московских — 6%. Наличие в стране таких важных центров, как Новосибирск, Екатеринбург, Самара, Ульяновск или Иркутск, в петербургских журналах не отражено вовсе. Мы видим, глядя на таблицы, как американский паттерн распределения внимания отличается от российского. У нас издания тесно связаны с какой-то локальной сетью, причем, как показывают этнографические данные, не включенные в сеть могут не только не читать издание, но и не подозревать о его существовании, даже если они живут в том же городе. Группа ученых, обзаводящаяся собственным журналом, часто практически изолируется тем самым от остального мира²⁸. В американской социологии подобная связь едва прослеживается. Несмотря на очевидные различия в политике и приоритетах ведущих американских журналов, они нарочито не связаны ни с какой конкретной организацией или городом (мы можем разглядеть только минимальное предпочтение, которое AJS, издаваемый Чикагским университетом, отдает чикагским исследователям). Несколько крупнейших университетов имеют заметные, но небольшие доли в общем потоке публикаций, причем ни один из них не опережает более, чем на полкорпуса, остальные.

Бросающимся в глаза отклонением от общего российского паттерна является только СОЦИС, однако и в нем мы наблюдаем ту же схему: пара институтов, с которыми журнал тесно связан организационно, составляет в него заметную долю статей, вклады всех остальных едва заметны²⁹. Продолжая наши экономические метафоры, можно суммировать эти различия, констатируя, что российская журнальная система представляет собой пример монополистической конкуренции, в то время как американская является типичной олигополией.

Объяснение, которое сами редакторы дают избирательности географии авторства, выглядит так: *«Статьи ведь обычно пишут по заказу... или хотя бы по знакомству. Кого я знаю, тот мне и пишет. Были бы средства, можно было бы съездить и найти авторов. А так — даже рыссылку приличную наладить не*

26 Единственным значимым изменением, которое повлек бы за собой отказ от этого способа подсчета, могло стать появление в списке соцфака МГУ. Только один автор указал его в качестве единственного места работы. Еще трое совмещали занятость на нем с какой-то еще («Ромир», ИФ РАН), и двое указали Центр социологических исследований МГУ.

27 Эти ограничения были мотивированы тем, что исследование, данные которого здесь представлены, являлось частью проекта по изучению паттернов цитирования в российских социально-научных изданиях. Из анализа были исключены разновидности текстов, которые не предполагали обязательного наличия ссылок (надо добавить, что, например, до 2002 года ЖССА не приводил персональных данных об авторах рецензий). Данные о цитировании вносят интересные дополнения к нашему рассмотрению постсоветской экономики внимания. Так, в AJS среднее количество ссылок в статье в 2002 году равнялось 67,3, а в ЖССА — 24,7. Контраст становится менее резким, когда мы учитываем, что средний размер статьи также различается: в среднем получаем 1,9 ссылки на страницу в AJS и 1,62 в ЖССА. Учитывая разницу в размерах страниц, получаем 0,596 и 0,525 ссылок на 1000 знаков в американском и российском журналах соответственно. Разница, таким образом, состоит в том, что на рынке внимания ведущего американского журнала происходит меньшее количество значительно более крупных сделок, чем на рынке одного из ведущих российских.

28 И наоборот, относительно высокая представленность в СОЦИСе разных организаций Екатеринбурга (16 статей за 2001 год), Самары (10 статей) или Твери (5 статей) отражает отсутствие в этих городах своего более-менее регулярно выходящего и легко доступного ВАКовского журнала.

29 Журналы, издаваемые в регионах, воспроизводят тот же паттерн. Всего список ВАК содержал в начале 2007 года 58 изданий, из которых 25 — «Вестники» региональных университетов, публикующие почти исключительно сотрудников этих университетов.

получается.... NN я даже номер не смог прислать, в котором они опубликовались». На вопрос автора о том, обдумывал ли он возможность публикации в каком-нибудь петербургском журнале, сибирский ученый ответил: «Я не знаю вообще ничего про питерские журналы. Из русских к нам доходит по рассылке только СОЦИС, с советских времен. Теперь есть еще JSTOR, благодаря Соросу. То есть американские журналы я знаю лучше, чем российские, которых в Интернете нет». На языке нашей аналитической схемы это означает, что обмен вниманием требует значительных затрат, причем, несмотря на электронную почту и Интернет, в немалой степени финансовых. Там, где необходимые средства не удается изыскивать, сами обмены возвращаются к своим рудиментарным формам, ограничиваясь сетями личных знакомств, в свою очередь привязанных к какому-то городу или даже учреждению³⁰. Развитие этого учреждения получает поэтому однозначное отражение в географии авторства издаваемого в его стенах журнала: так, начало совместных программ СПбГУ и университетов Билефельда и Магдебурга привели к тому, что доли опубликованных в ЖССА статей немецких коллег превзошли доли публикаций авторов из всех не расположенных в Петербурге российских институтов.

СЕГМЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ВНИМАНИЯ³¹

Ту же картину сегментации мы наблюдаем, когда переходим к анализу непосредственных контактов между представителями разных сетей и степени их осведомленности друг о друге. Сотрудники разных организаций часто не только не знают лично сотрудников других организаций, но и не догадываются о самом их существовании. Типичные ответы на просьбу охарактеризовать представителей других организаций выглядят так (из интервью с младшим научным сотрудником НИИКСИ):

В: А как Вы оцениваете ... перспективы ИС РАН?

О: У меня нет информации для оценки.

В: А такая организация — Европейский университет в Санкт-Петербурге, что Вы о ней знаете?

О: Ничего, слышала название — и больше ничего.

В: А Центр независимых социологических исследований?

О: Аналогично.

Из интервью с сотрудником ЦНСИ:

В: В этой связи я хотел тебя спросить про твой опыт, просто твое мнение [о разных социологических организациях СПб], можно начать с НИИКСИ.

О: С НИИКСИ. Ты знаешь, я думаю, это и в предыдущем куске красной нитью проходит, как раз идея о том, что я не очень хорошо ориентируюсь в современном пространстве, здешнем пространстве, в городском. ... Ну ладно, начнем с НИИКСИ... Как социолог, я с ним не сталкивалась никогда, может быть, с отдельными людьми, так случайно как-то. Потом ИСАН — я там была, я там бывала, я там бывала на защитах... А с людьми оттуда я тоже очень мало знакома, за исключением, пожалуй, N и M. Они как раз оттуда, ну, может быть, еще пара человек, с которыми я сталкивалась.

Люди, работающие в разных учреждениях, просто никогда не пересекаются друг с другом. За долгие годы сотрудничества с разными социологическими организациями (см. приложение) автор многократно имел возможность убедиться в том, что научные мероприятия в каждом из них крайне избирательно посещались сотрудниками других учреждений. Междисциплинарный семинар в ЕУ в СПб, регулярно привлекающий знаменитостей калибра Роберта Патнэма и Бруно Латура, постоянно посещают люди из ЦНСИ (посещение семинаров ЦНСИ сотрудниками ЕУ в СПб случается несколько реже), но появление в любом из этих мест сотрудников СИ РАН наблюдается редко, а, скажем, сотрудников НИИКСИ — практически никогда. Аналогично

³⁰ Низкая географическая мобильность российских ученых по сравнению с их западными коллегами постоянно отмечается ими самими. Основным ограничительным фактором здесь служат цены на жилье. Стоимость аренды дешевой однокомнатной квартиры в Петербурге в настоящее время (приблизительно 12–14 тысяч рублей в месяц по состоянию на лето 2007) лишь чуть ниже зарплаты профессора факультета социологии СПбГУ (15 000 руб.).

³¹ Исследование, результаты которого излагаются в этом разделе, частично описано в статье (Погорелов, Соколов 2005).

междисциплинарные семинары СИ РАН очень редко посещаются людьми из ЕУ в СПб или ЦНСИ, а на семинарах на факультете социологии почти невозможно встретить представителей какого-либо из этих трех учреждений. Профессиональное сообщество делится на сегменты, представленные крупнейшими организациями, и каждый из них имеет собственное ограниченное пространство внимания, к которому представители остальных сегментов имеют лишь очень незначительный доступ.

Первая гипотеза, которая приходит в голову, когда мы пытаемся объяснить самим себе, почему ученые могут обращать так мало внимания на работающих рядом с ними (на расстоянии двух станций метро) коллег: причина кроется в различии предметных областей или теоретических предпочтений. Однако в Петербурге она находит подтверждение лишь в отношении теоретических и методологических предпочтений сотрудников разных организаций, да и то очень ограниченное. Каждая из крупных организаций имела своих специалистов по этничности и национализму, политической социологии и девиантному поведению, никогда не контактировавших с аналогичными специалистами другой организации.

Данные анкетного опроса, проведенного среди членов СПАС, предоставляют дальнейшие подтверждения для тезиса об отсутствии стойких тематических предпочтений в разных сегментах (процедура опроса описана в приложении). Респондентам предлагался список из 20 встречающихся в отечественных журналах стандартных наименований предметных областей («социальная структура и стратификация», «глобализация», «этничность и национализм» и т.д.). За исключением некоторой дифференциации в степени интереса к гендерным исследованиям, повседневности, государственному управлению и истории российской социологии (первые две более интересовали сотрудников ЦНСИ и ЕУ в СПб, две последующие — сотрудников СИ РАН и НИИКСИ), не обнаружилось никакой дифференциации.

Несколько более определенную картину дают теоретические и методологические предпочтения. Здесь на одном полюсе оказываются упомянувшие «Социальное конструирование реальности» Бергера и Лукмана в качестве наиболее повлиявшей на них книги, обозначившие свои теоретические предпочтения как «конструктивистские» и «феноменологические» и активно использующие качественные методы, а на другом — почитатели главного авторитета «ленинградской школы» Владимира Ядова, объявившие о своем предпочтении количественных методов и называющие себя «позитивистами». Первые оказались сконцентрированными в ЦНСИ, вторые — в СИ РАН и НИИКСИ. Рис. 1, представляющий результаты анализа корреспонденций, суммирует связи между принадлежностью к организации и теоретическими, методологическими и тематическими предпочтениями (пояснения в приложении).

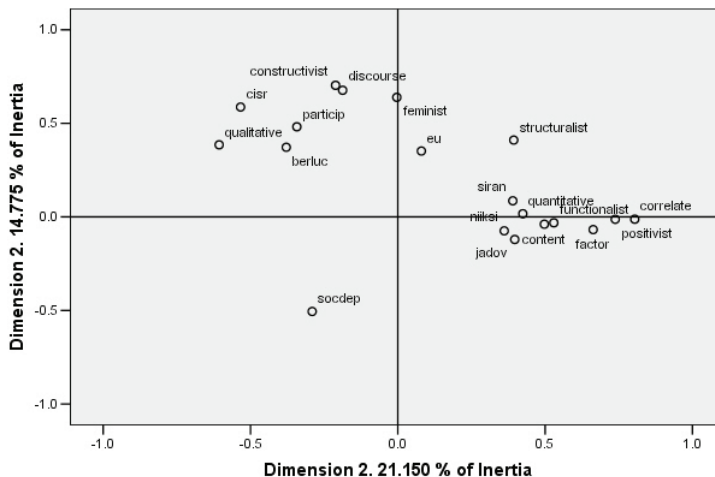

Рис. 1. Интеллектуальное пространство петербургской социологии

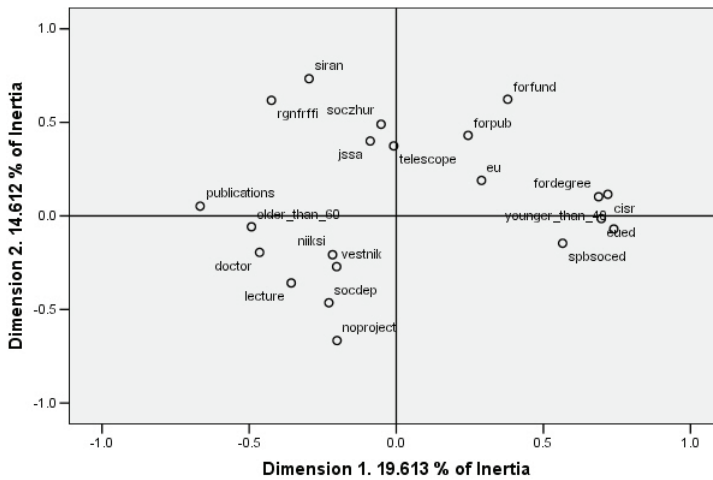

Рис. 2. Сегменты петербургского социологического сообщества

Какие выводы мы можем сделать, опираясь на эти данные? С одной стороны, некоторые организации имеют ярко выраженный теоретический и методологический профиль: в глаза бросается предпочтение широко понимаемой «качественной социологии» сотрудниками ЦНСИ и «количественной» или «позитивистской» социологии — сотрудниками СИ РАН и НИИКСИ. С другой стороны, эти предпочтения объясняют в лучшем случае лишь часть фрагментации пространства внимания. Мы видим, что на этом рисунке НИИКСИ и СИ РАН соседствуют друг с другом, но ни на уровне кадровых пересечений, ни на уровне совместного участия в каких-либо мероприятиях эта близость не прослеживается. Точно так же положение соцфака СПбГУ и ПНИС ЕУ в СПб в центре графика, отражающее разнообразие предпочтений их сотрудников, не позволяет нам предсказать, что ЕУ в СПб включен в ту же интеллектуальную сеть, что и ЦНСИ, а сотрудники соцфака СПбГУ практически полностью из нее исключены. Люди, обозначающие свои позиции одними и теми же словами, далеко не обязательно интересуются друг другом или знакомы.

Чем еще могут быть структурированы сети обменов вниманием? Возможный ответ предлагает нам рис. 2, суммирующий различия в карьерных траекториях.

Здесь мы видим три четко очерченных сегмента, границы которых гораздо точнее соответствуют сетям обменов вниманием: ЕУ в СПб находится рядом с ЦНСИ, соцфак СПбГУ соседствует с НИИКСИ, а СИ РАН занимает положение в некотором отдалении от обоих кластеров. Эти три сегмента, однако, выделены не на основании интеллектуальных предпочтений, а на основании сходств в основных элементах академических траекторий: возраст, место получения образования, наличие и ученых степеней и организация, присвоившая степень, места публикации работ и — самое важное — академический рынок, с доходов от которого индивиды живут. Сегмент ЦНСИ и ЕУ в СПб моложе всех прочих по возрасту и укомплектован людьми, получившими социологическое образование в Петербурге или за границей (подобные случаи среди сотрудников СИ РАН и СПбГУ отсутствуют), активно публикующимися на иностранных языках и живущими в основном за счет западных грантов, стажировок в западных же университетах или совместных проектов с западными коллегами. Большинство в сегменте СИ РАН составляют люди между 50 и 60 годами³², часто не имеющие ученых степеней, значительно чаще других публикующиеся в «Социологическом журнале» и «Телескопе», получающие непропорционально большую долю отечественных грантов (РГНФ и РФФИ), а также (не отражено на рисунке, но однозначно прослеживается по другим

32 Исторические причины, по которой возраст так отчетливо коррелирует со всеми остальными переменными, включенными в анализ, рассматриваются в статье (Погорелов, Соколов 2005).

материалам исследования) получающие значительную часть доходов от заказных исследований рынка. Представители этого сегмента делят с представителями предыдущего доходы от грантового рынка, однако на нем они занимают разные ниши: одни специализируются на «качественных исследованиях», вторые — на опросах.

Наконец, сегмент соцфака СПбГУ / НИИКСИ включает наибольшее количество людей, занятых преподавательской деятельностью, наибольшее количество докторов наук и авторов большого количества публикаций (следствие близости к активно функционирующим диссертационным советам и университетским издательским комплексам) и наибольшее количество людей, не указавших вообще ни одного исследовательского проекта в академической автобиографии. Сегменты, отличающиеся своей институциональной (прежде всего экономической) базой, наиболее точно повторяют очертания замкнутых пространств внимания.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Картина, которую мы наблюдаем на мезоуровне петербургского профессионального сообщества, соответствует тому, что нас заставляет ожидать гипотеза «бедной науки». Пространство внимания фрагментировано, причем основанием для этой фрагментации служит не субдисциплинарная или теоретическая специализация (во всяком случае не в первую очередь), а принадлежность к сети, совместно эксплуатирующей одну из структур административных и экономических возможностей. Как будет показано дальше, скорее интеллектуальная специализация определяется институциональными аффилиациями и сетевыми контактами, чем наоборот. Сами эти сети могут быть жестко локализованы в пределах одной организации или даже ее подразделения (как в случае с большинством сетей, отнесенных выше к образовательному сегменту), могут охватывать несколько учреждений (как сеть, одним из центров которой является СИ РАН и которая имеет ответвления в Москве и других городах), а могут быть даже сравнительно деконцентрированными территориально (как сети ЦНСИ и ЕУ в СПб, которые охватывают значительную часть не только России, но и Европы благодаря всевозможным программам грантовой поддержки семинаров и конференций). Некоторые из сетей, совместно или по отдельности, издадут журналы, однако эти журналы имеют тенденцию превращаться в сугубо локальные дискуссионные площадки.

Список выходящих в России периодических изданий свидетельствует о том, что этот паттерн никоим образом не является исключительно петербургским. Его характерной особенностью стало почти полное отсутствие журналов, специализирующихся на какой-либо предметной области (важное исключение составляют только «Экономическая социология» и «Журнал исследований социальной политики»). У большинства изданий профессиональной периодики нет никаких тематических привязок, зато около половины содержат институциональные («Вестник N-ского университета»).

Существование многих параллельных неспециализированных сетей (насколько бы оно ни сокращало возможность концентрации интеллектуальных усилий) еще не самая большая из проблем российской экономики социологического внимания. Каждая из институциональных баз, на которых отрасли этой экономики покоятся, скрывает в себе механизмы, делающие их глубоко неэффективными. В следующих двух частях акцент делается на этих специфичных для отдельных сегментов профессионального сообщества проблемах. Вначале мы рассмотрим в деталях организации и индивидов, действующих в рамках, заданных образовательными институтами, затем — тех, кто существует в рамках грантовой экономики, охватывая, таким образом, два из трех описанных выше сегментов³³.

РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ И ЕГО АКАДЕМИЧЕСКИЙ МИР³¹ 34

Институциональные рамки, конституирующие постсоветские образовательные учреждения, сложились в основном еще до 1991 года и после претерпели лишь минимальные изменения, в то время как фактические цели

33 Академический мир институтов РАН оставлен за рамками этого рассмотрения главным образом из-за недостатка у автора необходимой информации.

34 Данные, содержащиеся в этом параграфе, были частично использованы в (Соколов 2007).

организаций подверглись полному пересмотру. Изменения касались, во-первых, возникновения легального рынка образовательных услуг, позволявшего университетам официально взимать плату за обучение, и, во-вторых, появления возможностей для образования частных предприятий в образовательной сфере. Более-менее неизменными остались как структура образовательных учреждений, так и принципы формирования учебных программ и присвоения степеней. Наиболее важны для понимания дальнейшей эволюции два выживших на тот момент институциональных элемента — единая тарифная сетка и образовательный Госстандарт. Единая тарифная сетка устанавливает однозначные связи между основным формальным статусом в организации и зарплатой. Все ассистенты, старшие преподаватели, доценты и профессора в университете получают одинаковую базовую зарплату и одинаковые надбавки за степень и административные должности (скажем, заведование кафедрой). Отдельный факультет может ввести собственные надбавки, в основном перераспределяя средства, полученные от обучения платных студентов, однако эти надбавки также одинаковы для каждого уровня базовой зарплаты. Наконец, занятие формальной должности требует отработки одинаковых учебных нагрузок для всех ее инкубентов — прежде всего «горловых часов» чтения лекций или ведения семинаров в аудитории.

Случай факультета социологии СПбГУ

Конкретные цифры на социологическом факультете одного из крупнейших и наиболее престижных университетов выглядят так: весной 2007 года базовая зарплата доцента с кандидатской степенью составляла около 10 000 рублей, профессора — 15 000 рублей, профессор, доктор наук и заведующий кафедрой, одновременно занимающий должность декана, получал 26 000 рублей — ровно 1000 долларов в месяц (средняя зарплата по Петербургу составляла порядка 700–800 долларов). Более богатый факультет экономики выплачивал своим преподавателям надбавки, которые повышали все эти зарплаты примерно вдвое. Профессор должен был прочитать порядка 100 академических часов лекций в учебный год (около 3 часов в аудитории в неделю), доцент — 200, ассистент преподавателя — 400.

Как видим, эта схема предельно негибка и не оставляет для факультета возможности открыто торговаться с интересным преподавателем, которого хотел бы привлечь, — ни в плане повышения зарплаты, ни в плане сокращения количества часов в аудитории. Надо добавить, что при такой схеме наибольшие нагрузки ложатся на плечи начинающих преподавателей, вынужденных за минимальную зарплату читать по пять полновесных курсов в год — количество, практически исключающее не только интенсивную исследовательскую работу, но и сколько-нибудь основательную подготовку к самим этим курсам³⁵.

Другой особенностью работы факультетов является существование жестких государственных стандартов, которые определяют, какие курсы должны быть прочитаны. Стандарт предполагает, что любой студент, получивший диплом социолога, должен прослушать курсы не только по теории и методологии, но и по всем основным предметным областям типа политической социологии и социологии семьи. Введение подобных нормативов являлось попыткой обеспечить хоть какой-то контроль качества образования на многочисленных новых факультетах. Результат, однако, оказался как минимум двойственным. Чтение предметов, которыми не интересуется никто из профессоров, понятным образом обычно также ложится на плечи молодых преподавателей, чаще всего вынужденных читать необозримое количество лекций по предметам, которые не имеют никакого отношения к их собственным интересам.

³⁵ Этот сюжет постоянно всплывает в интервью с молодыми преподавателями: «Что я успеваю, если у меня шесть пар в неделю? Ну, учебник перед лекцией проглядеть. Иногда читаешь по своим конспектам. На диссер нет времени совсем, так я его никогда не защищу». Возможно частичное трудоустройство, на половину или четверть ставки, на которое, однако, сами университеты идут неохотно. Как сказал автору заведующий одной из кафедр, «это дробление... полставки, четверть ставки... это плохо для кафедры, если оно начинается, то люди уже не знают, где работают — ни там, ни здесь, и на них сложно рассчитывать. Я стараюсь этого избегать, хотя понятно, конечно, что за деньги, которые мы им платим, ... нужны очень специальные люди, в любой ситуации, чтобы согласиться». Дальше будет представлена краткая типология таких ситуаций. Здесь добавим, что позиция ассистентов кафедр часто совмещается с позицией аспирантов и что ассистенты порой отрабатывают свою нагрузку, берясь за ведение семинаров, к которым часто вовсе не готовятся.

Теперь рассмотрим, как организация, существующая в этих институциональных рамках, изменялась под воздействием внешнего контекста, в рамках которого основной проблемой для большинства сотрудников стало обеспечение средств к существованию. Эти изменения легче всего описать, рассмотрев ситуации и интеракции трех групп: студентов, преподавателей и факультетской администрации, представители которой в значительной степени рекрутируются из преподавателей.

Студенты. Роль, которую студенты сыграли в институционализации факультетов социологии, определяется прежде всего спецификой их мотивации. В постсоветской России, как и во всех современных обществах, предполагается, что получение высшего образования является законной отсрочкой от принятия на себя тягот взрослой жизни, своего рода возрастным мораторием, на протяжении которого молодые люди имеют право искать себя, работу — не обязательно связанную с профилем их обучения — или брачных партнеров. Законность этой отсрочки — что весьма существенно для российских юношей — официально признается государственными учреждениями, включая Вооруженные силы, не призывающие студентов на обязательную военную службу. Более того, высшее образование является статусным символом, важность которого скорее возросла, чем сократилась, за десятилетия реформ³⁶.

Блага, доступ к которым обеспечивает обучение в университете, достаточно существенны, чтобы стремиться к статусу студента без всякой связи с получаемой профессиональной квалификацией — или вопреки необходимости ее получать. Привлекательность конкретной образовательной программы определяется несколькими слагаемыми, в разной мере важными для разных абитуриентов. По крайней мере два из этих слагаемых исключают друг друга: невозможно сделать расписание одновременно необременительным и гарантирующим выпускникам приобретение высокой квалификации³⁷. Качественное образование, предоставляющее высокую квалификацию, требует от студентов больших временных затрат и больших усилий. Это делает его непривлекательным для тех, кто хочет, чтобы им вручили студенческий билет и оставили на пять лет в покое. Чем более ценным данный пакет образовательных услуг является для одного потенциального потребителя, тем меньше ценности он представляет для другого. В случае с социологическим образованием в России доля потребителей, желающих получить минимум нагрузки, существенно превышает долю потребителей, желающих получить максимум квалификации.

---

36 Эта тема возникала сама собой в десятках интервью, взятых в самых разных исследовательских проектах. Например (говорит женщина средних лет, без высшего образования): *«Я своему [сыну] сразу сказала: вуз ты должен закончить. Дальше делай что хочешь, работай кем хочешь, но диплом должен быть, пусть у меня лежит, но чтобы был»*. Или: *«Сейчас без высшего образования в приличном месте не найдешь даже работу уборщицы. Вчера только читала в газете: “Офису требуется уборщица на 7 тыс. в месяц, высшее образование НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО, НО ЖЕЛАТЕЛЬНО!”*». Поразившую его самого иллюстрацию возрастающей важности этого статусного символа автор получил в случайном разговоре в поезде с работником железной дороги, возвращавшимся из Омска, куда он ездил сдавать сессию на заочном отделении местного вуза. Этот человек вынужден был срочно получать сертификат о высшем образовании, чтобы стать заместителем начальника депо. Несмотря на то что он проработал в депо уже более десяти лет и его опыт и квалификация не вызвали никаких сомнений, недавние внутренние распоряжения РЖД исключали продвижение на руководящие должности лиц без диплома. В результате ему приходилось за счет организации ездить сдавать экзамены в дружественный вуз, причем экзамен по физике, с которого он возвращался, принял следующую форму: *«Мы им [преподавателям] выставили стол, все очень-очень, а они нам — назад зачетки с отметками»*. Остается добавить, что угощение было также оплачено командировавшей организацией. Вебер писал о том, что в современных обществах лица с высшим образованием остаются одной из немногих статусных групп в традиционном смысле слова — групп, на законных основаниях монополизировавших выгодные позиции на рынке труда и культивирующих определенный стиль жизни. В России мы видим мощь этой статусной группы и основанную на ней важность университетов, курирующих доступ в нее.

37 В значимой работе, посвященной этой теме, эта невозможность описывается через противопоставление «рынка квалификаций» и «рынка отсрочек» как составляющих частей рынка образовательных услуг (Титаев 2006). К этой паре можно прибавить несколько других рынков, например рынок статусных символов, который не обязательно находится в конфликтных отношениях с другими рынками. Более того, исходя из здравого смысла можно предположить, что высокое качество образования кое-что добавляет к его престижности. Однако инвестиции в качество с целью повышения престижа — это та самая разновидность долговременных инвестиций, к которым «быстрая экономика» бедных университетов мало приспособлена. Более того, качество не единственная составляющая престижа. Значительно более существенно то, каков классовый состав учащихся, а этот состав можно воспроизводить и без повышения качества, в ходе работы самоподдерживающихся механизмов классового воспроизводства. СПбГУ, который может похвастаться тем, что в его стенах учился нынешний президент страны и значительная часть его окружения, а также дети большей части локальной элиты, останется престижным, даже если преподавание в нем будет посредственным. Инвестиций в качество можно ожидать скорее со стороны вузов, не находящихся под постоянной угрозой закрытия по причине недостатка конкурсов, но при этом и не имеющих репутации «питомников» элиты, как МГИМО или МГУ.

В силу разных причин социология получает лишь небольшое количество студентов, искренне желающих связать свою судьбу с этой специальностью. Одной из этих причин, вероятно, является туманность образа этой профессии в массовом сознании (про психологов и археологов снимают триллеры, но кто видит на широких экранах социологов?), другой — объективная узость рынка труда (в Петербурге получают дипломы социологов около 300 человек ежегодно — сравните это с численностью профессионального сообщества, обсуждавшейся выше). Так или иначе социология с самого начала превратилась в некую недифференцированную гуманитарную специальность, на которую поступали те, кто не смог поступить на более привлекательный факультет³⁸. Характер предложения на рынке социологического образования определялся спросом на нем.

Администрация. Как можно заключить из всего сказанного выше, основная задача администрации факультета состоит в поддержании стабильно высокого числа учащихся. Большинство государственных вузов имеют некоторое количество платных и некоторое количество бюджетных студентов. И те, и другие приносят факультету доход, причем бюджетные студенты во многих отношениях существенно выгоднее, так как их поступление дает наличность, не облагаемую налогами³⁹. Их точная численность каждый год определяется в ходе переговоров деканата с ректоратом, а ректората — с министерством. Основным аргументом в ходе этих переговоров является как раз конкурс, свидетельствующий о «востребованности» профессии. Снижение конкурса вследствие повышения требований к поступающим (как и последующее массовое отчисление студентов) влечет за собой закрытие бюджетных мест, в чем факультет заинтересован в последнюю очередь. Разумеется, в распоряжении деканата есть и другие способы увеличения доходов администрации (например, откаты в ходе переговоров с подрядчиками), однако большая их часть прямо связаны с размерами организации. Чем больше факультет, тем богаче и влиятельнее те, кто извлекает из него прибыль.

Относительно автономным рынком, на котором действует, однако, та же логика, является рынок ученых степеней — чаще всего также локализованный в стенах факультетов (Калимуллин 2006). Степень кандидата или доктора наук является статусным символом, который многие хотели бы получить, максимально сократив временные издержки. Члены диссертационного совета (и, шире, многие сотрудники факультета, на котором этот совет расположен) способны извлечь из каждой защиты немалые прибыли, предлагая диссертанту самые разные услуги, от обеспечения оперативной публикации в признаваемых ВАК журналах и принудительных «консультаций» перед защитой до написания самой диссертации «под ключ». Правила, регулирующие защиты, не просто допускают подобное их использование, но фактически провоцируют его. Как сказал автору ученый секретарь одного из диссертационных советов, «если у нас не будет защит, совет закроют. А если кого-то потом ВАК в Москве завернет — чего вообще не бывает — то на этот счет правил нет.. Идиотские правила регулируют количество, а не качество». Учитывая, насколько научная защита выгодна для руководителя диссертанта (она засчитывается как кафедральная нагрузка, приближает к званию профессора, сопровождается подарками и премиями), остается только удивляться, как в этом академическом мире остается кто-то еще не защитившийся.

38 За свою жизнь автор встречал лишь четырех человек, учившихся на российских факультетах социологии, которые заявили бы, что с самого начала хотели стать социологами (и из этих четырех трое были близкими родственниками социологов). Все остальные — включая его самого — были несостоявшимися экономистами, психологами, историками или юристами.

39 Автора несколько раз уверяли, что в крупных вузах денежные взятки при поступлении практически сошли на нет, а на их место пришло накопление деканатом и ректоратом социального капитала — негласных обязательств, которые берут на себя родители абитуриентов и которые дают факультету рычаги административного влияния. Из интервью с членом приемной комиссии одного из факультетов социологии: «*Н. [предыдущий декан] брал деньгами, но это были 90-е, М. [нынешний декан] строит отношения... За взятки, в общем-то, сейчас поступать бессмысленно — можно просто легально пойти на платное отделение. Кто в этой ситуации поступает по благу? Дети преподавателей универа и городских чиновников помельче. В результате перед М. в долгу пол-университета... И город помогает, если что*». Помимо этого, некоторые из министерских правил жестко привязывают количество платных студентов в государственных вузах к количеству бюджетных.

Из всего этого понятно, что положение администрации заставляет ее противодействовать любым шагам, способным уменьшить численность студентов. Некоторых преподавателей осознание этого обстоятельства повергло в мрачную безнадежность. Вот характерный отрывок из обсуждения, в котором автор участвовал совсем недавно:

— *Надо как-то их наказать* [речь идет о большой группе студентов, не сдавших — вообще — дипломные работы]. *Но отчислить их нам все равно никто не даст.*

— *А что будет, если просто представить в ректорат списки представленных к отчислению?*

— *Ничего не будет. Их просто никто не подпишет... хотя подать, конечно, надо.*

На том же заседании кафедры обсуждался декан другого факультета, который не смог поддерживать должное количество учащихся и привел свое подразделение к сокращениям.

Формулируя вывод из этих рассуждений предельно кратко, мы можем сказать, что для того, чтобы обычный постсоветский факультет социологии успешно — с точки зрения его администрации — развивался, требуется, чтобы качество образования на нем не было слишком высоким. Это положение вещей сказывается на политике в области подбора персонала. Чтобы учить постоянно возрастающее количество студентов, требуется постоянно возрастающее количество преподавателей. Они должны просто отчитать положенные предметы, обеспечив соответствие списка преподаваемых на факультете дисциплин Госстандарту. Их способность или неспособность научить чему-то студентов имеет второстепенное значение, если имеет вообще хоть какое-то. Более того, любая попытка с их стороны устроить «крестовый поход» против нерадивых и отчислить всех тех, кто не справляется с их курсом (что иногда случается с молодыми энтузиастами), неизбежно становится для деканата головной болью⁴⁰.

Разумеется, деканы заинтересованы в том, чтобы среди преподавателей и выпускников было как можно больше плодотворно работающих ученых. Это позволяет факультету претендовать на государственную финансовую поддержку как ведущему научному центру, это дает шанс начать совместные проекты с иностранными коллегами, наконец, большинству деканов, безусловно, было бы просто приятно сознавать, что они руководят известным в мире исследовательским учреждением⁴¹. Однако все эти интересы второстепенны по сравнению с первоочередной задачей обеспечения непрерывности студенческого потока и, следовательно, воспроизводства ставок и доходов. Что касается выдающихся ученых, то им факультет может дать так мало в смысле денег и вынужден требовать от них так много в плане нагрузок, что реальные шансы привлечь их все равно не особенно велики.

Наконец, преподаватели. С точки зрения их карьерной траектории, преподавателей социологии в России можно разделить на два класса: тех, кто рассматривает, и тех, кто не рассматривает преподавание как

40 Известно много элегантных способов избежать урона, которые подобные ревнителю способны причинить своему учреждению, так что их шансы добиться отчисления кого бы то ни было не особенно велики. Сами они в результате приобретают внутри организации репутацию весьма одиозных персонажей. Автор сих строк невольно попробовал себя в этой роли, отказавшись написать положительный отзыв на диссертацию аспиранта своего коллеги, чтобы узнать потом, что этот коллега на заседании своей кафедры настоятельно не рекомендовал записываться на его (автора) спецкурсы. Если учесть, что окончательный не-прием экзамена или зачета представляет собой долгий и мучительный процесс, в ходе которого преподавателю приходится раз за разом смотреть в глаза человеку, которому он — без видимых для этого человека оснований — причиняет существенный вред, становится понятно, почему большинство профессоров готовы поставить низший балл практически кому угодно.

41 Относительный вес преимуществ, которые дает сотрудничество с западными коллегами, с одной стороны, и набор дополнительных отечественных студентов — с другой, изменился за последнее десятилетие, причем не в пользу западных коллег. Интересен здесь пример декана социологического факультета МГУ Владимира Добренькова, который оказался в центре публичного скандала из-за фактов мелкой коррупции и удручающего качества образования на своем факультете. Как заметил один хорошо осведомленный информант, *«не поверите, но в начале 90-х Добренькова ругали за то, что у него на факультете слишком много западной теории и студентов заставляют читать по-английски»*. Десять лет спустя основным обвинением в адрес декана стало прямо противоположное: его студенты не знакомятся с современной западной теорией вовсе, а вынуждены довольствоваться «православной социологией» местного разлива. Характерным образом эта интеллектуальная трансформация совпала с возрастанием доходов, которые МГУ получал от массового приема отечественных учащихся (на соцфаке МГУ учатся 2500 студентов и аспирантов, что делает его крупнейшим факультетом социологии в Европе). В этой ситуации потенциальные доходы от международного сотрудничества выглядят столь незначительными, что ради них никто не будет ломать систему.

«работу» в привычном смысле этого слова, то есть как деятельность, которой обеспечивают себе средства к существованию. На большинстве известных автору факультетах первые составляют большинство, и следующие ниже наблюдения относятся именно к ним. Тем не менее существует целый ряд траекторий, ведущих к статусу преподавателя (чаще всего молодого преподавателя), не подразумевающих никакой финансовой заинтересованности. Вот четыре из них, кажущихся наиболее распространенными.

Во-первых, на многих факультетах социологии находится некоторое количество ученых, ориентированных на получение международных грантов и стипендий и нуждающихся в административной «крыше». Они рассматриваются в следующем параграфе, посвященном грантовой экономике. Во-вторых, специалисты в одной из смежных областей типа маркетинга или пиара, преподающие (иногда предметы, имеющие к их основной занятости очень косвенное отношение) для того, чтобы поддержать свой статус приобщенных к достижениям науки. Их работа в качестве преподавателей редко бывает регулярной и продолжительной, однако справедливости ради надо сказать, что некоторые из лучших курсов читаются именно ими. В-третьих, домохозяйки или дети обеспеченных родителей, желающие иметь формальную занятость и как-то развеивать скуку. В-четвертых, «скрытые безработные», ставшие ассистентами на кафедре, пока поиски более прибыльной занятости не увенчались успехом.

Все остальные, однако, вынуждены рассматривать свою преподавательскую занятость как заботу о хлебе насущном. Есть несколько способов, которыми преподаватели без административных обязанностей могут заработать себе на жизнь. Во-первых, они могут совмещать несколько преподавательских ставок и читать одни и те же курсы в нескольких университетах, благо Госстандарт предполагает значительную степень унификации в плане их содержания. Автору известны случаи, когда профессора читали по 15 лекций в неделю в четырех университетах. Во-вторых, преподаватели могут читать сверхурочные лекции по основному месту своей работы (правила фиксируют минимальную нагрузку, но не максимальную). В-третьих, при хороших отношениях с администрацией факультета они могут прибегать ко всевозможным уловкам: например, разделяя студентов на как можно более мелкие группы и засчитывая себе чтение одной и той же лекции нескольким таким группам как чтение разных лекций (что можно оправдывать совершенно реальным недостатком помещений). В-четвертых, они могут вести дополнительные занятия (например, подготовительные для абитуриентов), которые оплачиваются не по общей тарифной сетке, а по иной, более выгодной таксе. В-пятых, если на факультете существует, например, совместная магистерская программа с каким-либо западным университетом⁴², а они знают иностранные языки и могут разработать программу, не отпугивающую иностранных партнеров, то они могут преподавать и там. В-шестых (и во многих вузах — в главных), они могут торговать оценками за зачеты и экзамены⁴³.

Большая часть этих способов (за исключением торговли оценками) дает финансовое вознаграждение только ценой значительных перегрузок, которые практически изымают преподавателя из экономики внимания его / ее дисциплины. Чтение лекций не оставляет времени не только на то, чтобы проводить какие-то исследования и публиковаться самому, но и на то, чтобы следить за развитием дискуссии по своей теме. Действительно, выигрышной экономической стратегией на этом рынке является аккумуляция информации, минимально необходимой для того, чтобы быть в состоянии читать максимальное количество разных пользующихся спросом курсов, где спрос определяется требованиями Госстандарта. Детальное знание современного состояния какой-то сравнительно узкой области (то, что обычно необходимо для включения в обмен идеями с коллегами), приносит лишь очень небольшие выгоды. По темам типа «Теории революции» или «Теории рационального выбора» можно прочитать от силы один-два спецкурса в год (причем, если не удастся сделать эти спецкурсы по выбору обязательной частью расписания какой-нибудь кафедры, эта возмож-

42 В период, когда автор работал на факультете социологии СПбГУ, там было сразу две такие англоязычные программы: одна — российско-немецкая (совместно с университетом Билефельда), вторая — российско-корейско-голландская. Тем не менее в России в целом такие предприятия еще исключительно редки.

43 Подробно описано в (Титаев 2006).

ность открывается даже не каждый год). Напротив, благодаря Госстандарту «История социологии» или «Методы» могут быть прочитаны десятки раз с минимальными изменениями. Госстандарт, созданный как попытка сдержать деградацию образовательных курсов, создает самостоятельную специализацию «стандартного преподавателя социологии», который вряд ли может сказать коллегам что-то новое.

Правила, регулирующие продвижение в университете, требуют от преподавателя некоторых академических достижений. Для получения следующей степени или звания необходимы публикации, и даже для сохранения должности, вообще говоря, необходимо при аттестации представить некоторое количество работ, напечатанных за последние годы. Фактически, однако, на большинстве факультетов это правило или молчаливо игнорируется, или обходится с помощью чисто ритуальных жестов. Как мы видели выше, большинство факультетов имеют свой журнал или сборник, как правило, признаваемый ВАК, где преподаватель — по знакомству с редактором — может опубликовать что угодно в нужные сроки. Кроме того, во время аттестации засчитываются тезисы университетских конференций, которые вообще не проходят никакого контроля качества, а публикуются за минимальный взнос (обычно в пределах 300 рублей) в пользу оргкомитета. Система ВАКовских журналов создает некоторые препятствия, но только для людей, не имеющих прямого отношения к доминирующим университетам. Учитывая, что представители вузов составляют большинство как среди членов самой ВАК, так и во всевозможных учебно-методических объединениях, крайне маловероятно, что эти органы выступят с какими-то инициативами по ужесточению правил, регулирующих научную продуктивность преподавателей.

Эта система институциональных рамок порождает особое интеллектуальное явление — «университетскую науку», делающуюся на основании минимальных временных и материальных ресурсов с помощью интеллектуальных инструментов, которые предоставляет в распоряжение преподавателя чтение общеобразовательных курсов⁴⁴. В лучшем случае эта наука представляет собой комментирование небольшого числа классических текстов, упоминаемых в Госстандарте, в свете собственных политических и социальных воззрений автора (к чему относятся, например, бесконечные обсуждения тезиса о роли религиозных факторов в развитии экономики у Вебера или его же идеи «ценностной нейтральности» (именно в этом академическом мире «высокая методология», не имеющая никакого отношения к практике исследований, достигла своего расцвета). Другой столь же популярный жанр — нормативные рассуждения о «месте социологии в системе социогуманитарных наук» — нечто такое, что для преподавателей, вынужденных постоянно разграничивать предметы с представителями других дисциплин, имеет безусловную личную релевантность.

Если эта версия «дешевой науки» опускается до сбора эмпирических данных, то, как правило, в одном из двух направлений. Во-первых, наличие под рукой легко доступных информантов — студентов — делает возможным проведение опросов и написание текстов по «социологии молодежи» (сканирование СОЦИСа за 90-е годы обнаруживает, что около трети всех эмпирических исследований делались именно на этой выборке).

Вторым основным направлением является история русской социологии. Этому направлению исследований стоило бы посвятить отдельную статью как яркому примеру «изобретения национальной традиции» в масштабах одной дисциплины. Здесь приходится ограничиться констатацией того, что реанимация идей социологов типа Ковалевского или Кареева является сравнительно малозатратным предприятием (как правило, требуется лишь прочитать их статьи вековой давности и пересказать их с комментариями типа: «Здесь N. независимо пришел к тем же выводам, что и Вебер», при весьма свободном понимании того, что значит «те же выводы»).

Выгода от этой работы двоякая. С одной стороны, она засчитывается как публикация в отчетах по научно-исследовательской работе и тому подобных документах. С другой стороны, она дает внутренний иммунитет к неприятным ощущениям, возникающим при сравнении своей работы с работой более погруженных

---

44 Типичную статью, написанную университетским преподавателем, читатель в данный момент держит перед глазами. Она посвящена предмету, за данными о котором не надо никуда ходить, и завершается ссылками на книги, о которых все равно надо рассказывать на лекциях по социальной теории.

в современные западные теории коллег, и даже обеспечивает некоторые аргументы, которые можно применить против этих коллег, если те попробуют так или иначе использовать свои преимущества⁴⁵.

В целом пространство внимания образовательного сегмента дисциплины организовано именно так, как и можно ожидать на основании наших исходных предположений. Надо оговориться, правда, что о едином пространстве внимания в этом случае можно вообще говорить только с известной долей условности. Так, на факультете социологии СПбГУ на протяжении тех нескольких лет, когда автор мог его наблюдать, несмотря на усилия декана, так и не появилось общего регулярного семинара, а немногочисленные конференции никогда не собирали вместе даже малой доли преподавателей и аспирантов. Обмен идеями происходил только на уровне отдельных — и далеко не всех — кафедр. Большинство сотрудников факультета ни за что не смогли бы ответить на вопрос, экспертами в какой области являются 80% их коллег, поскольку никогда не обсуждали с последними вопросы, касающиеся их исследовательской работы. Тем более не существовало никаких регулярных интеллектуальных взаимодействий с другими городскими факультетами.

Все, что дает этому пространству некоторую общность, — это связи с единым центром, в котором располагается Учебно-методическое объединение (УМО), оценивающее соответствие вузовских программ Госстандарту и присваивающее гриф «Рекомендовано» учебным пособиям. Руководство УМО, во главе которого уже долгие годы стоит Владимир Добренков, обладает значительной административной властью: открытие нового отделения или набор магистров по новой специальности требует его одобрения⁴⁶. Как и любое другое формальное правило в данной системе, это может быть использовано для извлечения финансовых выгод. Так оно и используется. Добренков вместе с коллегой Альбертом Кравченко числится автором серии самых тиражируемых вузовских учебников по социологии в России, покупка и использование которых факультетом в учебном процессе является — по крайней мере, как в то верят во многих вузах — «единственным способом не испортить с ним отношения»⁴⁷. Те небольшие объемы внимания, которые вообще циркулируют в этом секторе дисциплины, концентрируются и перераспределяются исключительно административными средствами.

ГРАНТОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ АКАДЕМИЧЕСКИЙ МИР

Появление в России первых распределяющих индивидуальные гранты западных фондов 15 с лишним лет назад было встречено всеобщим энтузиазмом. К этому энтузиазму с тех пор примешалась значительная доля обоюдного разочарования. Представители фондов недоумевали по поводу результатов одного из самых масштабных экспериментов по стимуляции академического роста отдельного региона⁴⁸. Несмотря на то что большая часть денег была потрачена на поддержку социальных наук, российские социологи и их коллеги

---

45 Соблазнительно увидеть в этом аналогию с теориями национализма, утверждающими, что националистические движения представляют собой попытку политическими средствами избежать обесценивания культурного капитала, заставив государство признать этот культурный капитал единственной имеющей легальное хождение валютой (Gellner 1983), или что националистами движет ressentiment, возникающий как реакция на ощущаемое превосходство другой культуры (Greenfeld 1991). Объяснить таким образом поиски «особой национальной» социологии было бы легко, если бы кто-то всерьез этими поисками занимался. Может показаться странным, но к подобной стратегии обесценивания чужого культурного капитала никто в российской социологии — пока во всяком случае — еще не прибег, несмотря на очевидные выгоды, которые она сулит не читающим на иностранных языках и вынужденным изучать западную теорию по пересказам. Никто не попытался создать «опирающуюся на национальные корни современную социальную теорию». Ближе всего к этому подошла группа «витальных социологов» из Барнаула во главе с профессором Григорьевым, однако и здесь отсутствуют некоторые ключевые элементы.

46 Как сказал один сотрудник соцфака СПбГУ по поводу возможного участия своей организации в скандале вокруг Добренкова, «как люди с факультета будут против него воззвания подписывать, если им потом ходить к нему просить, чтобы он им что-то подписал? Так или иначе, они ведь рано или поздно придут к нему за подписью».

47 Его критики утверждали также, что издательство, печатающее эти книги — в частности, 15-томную «Фундаментальную социологию» по цене свыше 1000 рублей за том, — принадлежит родственникам Добренкова.

48 Стивен Коткин, внешний эксперт, нанятый фондом Форда в 2006 году для оценки эффективности его деятельности в России, перечисляет программы поддержки науки и высшего образования, на которые было потрачено 190 миллионов долларов только четырьмя американскими фондами (Сорос, Форд, МакАртуры и Карнеги) в период с 1996 по 2006 годы, оговариваясь, что даже для этих фондов цифра является далеко не полной (Kotkin 2006: 7). Общий тон многих мест его доклада растерянный: остается неясным, по Коткину, дала ли большая часть этих вложений хоть какие-то существенные результаты в плане развития социальных наук в России.

из смежных дисциплин по-прежнему находятся на далекой периферии мирового рынка академического внимания. Самым очевидным результатом деятельности фондов было появление сети людей, рассматривавших их как основной источник средств к существованию. Отношение этих людей к западным фондам и западным коллегам в целом часто носит отпечаток хронической амбивалентности, которая находит выход в чередующихся рассуждениях о том, что живущие на гранты ученые являются «единственной адекватной» частью постсоветских исследователей, и о грантовой экономике как об «академическом колониализме Запада» (и то, и другое часто можно услышать из одних и тех же уст).

На первый взгляд, от представителей этой среды мы могли бы ждать гораздо более эффективных обменов вниманием, чем от тех, кто принадлежит к образовательному сегменту сообщества. Взаимодействие с западными коллегами требует овладения теми же теориями, которыми пользуются эти коллеги, и, таким образом, стимулирует большие инвестиции внимания в слежение за текущей дискуссией, чем те, которые необходимы для выполнения роли преподавателя. Технических возможностей для подобного слежения в этом сегменте было также существенно больше. За счет стажировок, грантовой поддержки закупок литературы и обеспечения допуска к электронным полнотекстовым базам его представители имели доступ к информации, которой их коллеги, занятые преподаванием, зачастую были физически лишены. Институты оценки и распределения ресурсов, которые фонды пытались внедрить, не позволяли управлять потоками дисциплинарного внимания за счет административных средств, как это происходило со вниманием в образовательном сегменте сообщества. Вертикальные связи («руководитель — подчиненный», «учитель — ученик») в этом академическом мире играли гораздо меньшую роль, а горизонтальные — значительно большую. Фонды преуспели в создании чрезвычайно разветвленной сети личных контактов, связывающей молодых исследователей из Петербурга с исследователями из Самары, Ульяновска, Томска, Саратова и Иркутска с первых же шагов их профессиональных карьер. Как следствие этого, они преуспели также в создании общенационального рынка труда, на котором спрос на квалифицированную рабочую силу для участия в исследовательских проектах легко встречался с предложением.

Между тем сегмент социологии, ориентированный на грантовую экономику, представляет собой даже менее развитый в некоторых отношениях рынок внимания, чем его образовательный аналог. Несмотря на вероятную грантовую поддержку, представители этой сети так и не создали собственного стабильно выходящего дисциплинарного журнала⁴⁹. Паттерны их цитирования — рассматривая цитирование как основной вид документации, фиксирующий транзакции внимания, — указывают на то, что обмен вниманием среди самих представителей этой среды был чрезвычайно низким. Они значительно чаще, чем их коллеги из вузов, цитировали источники на иностранных языках, но значительно реже — российских коллег. Если для сегмента, ориентированного на образовательные рынки (как и для сегмента, представленного СИ РАН и прочими академическими институтами), существовал жестко фиксированный фокус внимания, в котором располагались персонально Владимир Добренков и Владимир Ядов, то для ориентированного на грантовую экономику сегмента такой фокус внутри самой сети просто отсутствовал. Между тем наличие общих фокусов внимания, в которых находятся конкретные индивиды или группы, является одним из основных показателей эффективности экономики внимания. Неэффективные экономики внимания не позволяют профессиональному сообществу произвести работу, которая считалась бы значительной частью его членов «значимой» и «важной». В этом смысле характерно, что почти все общенациональные репутации в современной российской социологии были созданы еще в СССР⁵⁰.

---

49 Было несколько попыток, самой успешной из которых до недавнего времени был «Inter», выпустивший три номера. Представители этого сегмента охотно публикуются в журналах, предназначенных для широкого круга интеллектуалов, таких как «Неприкосновенный запас», «Новое литературное обозрение» или «Отечественные записки», ни один из которых, однако, не является специфически социологическим (и ни один не учитывается ВАК). Кроме всего прочего, это вполне отражает самоопределение большинства из них скорее как интеллектуалов, чем как социологов. Ближе всего к тому, чтобы быть официальным органом этой сети, подходит «Журнал исследований социальной политики», издаваемый в Саратовском техническом университете Павлом Романовым и Еленой Ярославской-Смирновой.

50 Ближе всего к статусу исключения из этого правила находится, вероятно, Вадим Радаев.

Наибольшее количество ссылок в работах обитателей академического мира грантовой экономики приходится на зарубежных классиков типа Бергера и Лукмана⁵¹. Между цитированием Ядова и цитированием Лукмана, однако, есть существенная разница: отсутствует даже теоретическая вероятность того, что Лукман когда-либо ответит на внимание, уделенное им российскими исследователями в русскоязычных публикациях. Обмена вниманием не происходит, а вместо инвестиций в изучение работ коллег, которые однажды могут принести плоды в виде увеличения собственного рейтинга за счет ответного цитирования, имеет место демонстративное потребление престижных интеллектуальных благ в стиле Веблена.

Преобладающий паттерн распределения внимания в этом сегменте выглядит следующим образом. Некоторое количество теорий и методов импортируется и распространяется на российском рынке. Те, кто импортирует их, получают в российской социологии известность, однако преимущественно в качестве ретрансляторов, а не изобретателей теорий или методов. Самые успешные в привлечении внимания фигуры в этом сегменте создали свою репутацию за счет импорта западных теорий. В качестве примеров можно упомянуть ввоз и популяризацию неинституциональной экономической социологии, исторических теорий государства, *cultural studies*, качественной методологии, Бруно Латура, Бурдьё и гендерной теории. Каждый сколько-нибудь включенный в жизнь этого сегмента профессионального сообщества легко поставит против этих наименований фамилии исследователей или локализацию исследовательских групп, которые ознакомили русскоязычную публику с соответствующими концепциями⁵². По понятным причинам преимущества в импорте имели те, кто приступил к нему первым (скажем, первым опубликовал соответствующий перевод), и / или те, кто был лично связан с производителем и имел доступ к эксклюзивным материалам. Именно они вошли в элиту ориентированного на грантовую экономику сегмента профессии.

Таким образом, основные потоки внимания в этом сегменте были направлены вовне национальной академической системы или на тех, кто служил связующим звеном между мировой и русскоязычной дискуссией. Обратное движение было редким явлением, а горизонтальное перераспределение внимания между теми, кто находился на периферии этой системы, практически отсутствовало⁵³. Далее обсуждаются некоторые причины этой конфигурации. Пока отметим только то, что подобный паттерн обменов вниманием практически исключал возможность завоевания признания каким-либо иным путем, кроме импорта интеллектуальной продукции, и в каком-либо ином качестве, кроме качества ее импортера.

Как минимум некоторые из причин этой неразвитости рынка внимания кроются в самом функционировании институтов грантовой поддержки, или, вернее, в сочетании особенностей этих институтов и условий предельной бедности, в которых приходилось существовать получателям грантов. Далее будут разобраны три таких эффекта: (1) пролетаризация значительной части участников грантовой экономики; (2) предпочтение — даже среди тех, кто избежал полной пролетаризации, — «быстрой экономики», не оставляющей

---

51 Сходные результаты дал многократно упоминавшийся опрос членов СПАС (подробное описание этой части исследования см. в (Погорелов, Соколов 2004). Респондентов просили назвать три «книги или статьи, оказавших наибольшее влияние на [них] как социологов». Из 24 опрошенных сотрудников ЦНСИ лишь три человека упомянули пишущих (и читающих) на русском языке авторов (два раза — Елену Здравомыслову, один раз — Леонида Ионина). 14 раз в качестве наиболее повлиявшей книги было названо «Социальное конструирование реальности» Бергера и Лукмана, по три раза — Фуко и Гарфинкель. Напротив, из 26 сотрудников СИ РАН только один человек не назвал кого-либо из здравствовавших в тот момент российских коллег, зато 20 раз были названы различные работы Владимира Ядова и его соавторов.

52 Разумеется, этот паттерн не был изобретен в постсоветскую эру: возьмем «ленинградскую школу», лидерами которой стали люди, импортировавшие в СССР лазарсфельдовскую методологию (Ядов) или интеракционистскую социальную психологию (Кон). Основным ресурсом для создания интеллектуальной репутации в тот момент был доступ к спецхранам. Заметим попутно, что этот список провоцирует массу вопросов из серии «а почему именно эти теории?» Почему, например, Бурдьё, а не Гидденс или Коулмэн (в России практически неизвестный); неинституциональная экономика, а не теория игр; «actor-network theory», а не этнометодология? В некоторых случаях основной переменной, видимо, служит заинтересованность самих западных теоретиков в создании российских филиалов своих школ, но этот ответ явно не полный. Некоторые другие соображения будут предложены ниже.

53 Это положение вещей уже многократно обсуждалось. К аналогичному выводу приходит, например, Александр Филиппов, констатирующий в своем часто цитируемом эссе отсутствие в России теоретической дискуссии (Филиппов 1999). Характерно, что это эссе получило относительную известность (насколько в этой системе вообще возможна известность), только будучи опубликовано в качестве предисловия к изданному самим Филипповым сборнику переводов западных теоретиков.

времени на работу по привлечению внимания к своим трудам и фактически сводящей список этих трудов к отчетам по грантам; (3) селекция теорий, методов и проблем, которые позволяют получать поддержку и дальше, но фактически исключают привлечение внимания к своей персоне. Далее мы рассмотрим эти три эффекта по очереди.

1. ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ

Несмотря на видимую эгалитарность и распространение горизонтальных социальных сетей, сегмент, ориентированный на грантовую экономику, достаточно жестко стратифицирован⁵⁴. Эта стратификация возникает на основании достаточности ресурсов (контактов с западными коллегами, осведомленности о возможностях получения финансирования) для получения грантовой поддержки проектов, вписывающихся в область собственных исследовательских интересов индивида. На высшем уровне этой классовой системы находятся те, кто может привлечь достаточные средства, чтобы инициировать масштабный проект и привлекать к нему других социологов в качестве рабочей силы. На среднем уровне — те, кто может стабильно обеспечивать работой по избранной теме себя, но не может добыть достаточно средств, чтобы привлечь других. Наконец, внизу находятся те, кто вынужден зарабатывать на жизнь, занимаясь исследованиями, которые никак не встроены в их предполагаемую специализацию, и продавая свою рабочую силу или напрямую западным партнерам, или действующим на их средства российским менеджерам⁵⁵. Эти последние могут или работать постоянно на одного и того же патрона, превращаясь таким образом в его клиентов, или продавать свою рабочую силу то одному, то другому, становясь пролетариями.

Как сразу бросается в глаза, в описанную здесь стратификацию вписаны механизмы, обеспечивающие ее устойчивое воспроизводство. Каждый коллективный проект, привлекающий рабочую силу исследователей, к чьей области специализации он не принадлежит, вносит вклад в упрочение репутации тех, кто им руководит, и только отнимает время, которое можно было бы инвестировать в собственную репутацию, у тех, кто на него или нее работает. Специализация на какой-то области исследования требует времени и сил на знакомство с литературой, завязывание контактов, проведение исследований и публикацию их результатов. Никто не может специализироваться более чем на нескольких таких областях. Работа вне своей области представляет собой потерянное зря — с точки зрения привлечения внимания — время, поскольку, во-первых, отсутствие всех этих ресурсов вряд ли позволит написать заметную работу, а во-вторых, даже если это каким-то образом и получится, польза от такого успеха будет минимальной. Известность среди коллег вне нашей специализации все равно не приносит никакой существенной пользы. Тем, кто вынужден заниматься проектами то в одной области, то в другой, приходится отказаться от надежд сделать себе имя в какой-либо из них. Как ни странно, в лучшем положении здесь оказываются те, кто с самого начала работает в качестве полностью зависимого от крупного патрона клиента, поскольку постоянство инвестиций патрона в одну из областей передается и тем, кто на него работает. В значительно худшем положении находятся пролетаризированные исследователи, которые пытаются совмещать подработки с выстраиванием самостоятельной научной карьеры.

Противопоставление *«проектов, которые делаются просто ради денег, чтобы заплатить за квартиру»*, *«грантовой проституции чистой воды»* проектам, которые рассматриваются как важная часть собственной академической биографии, — тема, которая регулярно всплывает во время неформального обще-

---

54 В описании этой стратификации автор опирается на неопубликованное эссе Кирилла Титаева (2007).

55 Шкала условна, поскольку склеивает воедино несколько разных измерений: способность находить деньги и возможность поддерживать собственную занятость в избранной области специализации, а также желание делать и то, и другое. Многое зависит от области специализации. Некоторые из тех, кто может инициировать коллективный проект, связанный с актуальной политической проблемой, не могут найти зарплату даже для себя одного по самой любимой ими теме, поскольку она не относится к числу приоритетных в фондах. Некоторые из тех, кто может организовать коллективный проект практически в любой области, не делают этого, поскольку предпочитают работать в одиночку. Наконец, некоторые просто не имеют четко очерченной собственной области интересов, поскольку ни одна область не интересна им более, чем многие другие, и руководят коллективными проектами то в одной, то в другой. Тем не менее в общем и целом эта упрощенная шкала работает.

ния в этой среде. Однако оценить относительный вес каждого из этих типов в жизни индивида или института достаточно затруднительно. Тем не менее ниже изложены факты, взятые из исследования ЦНСИ — одного из первых и крупнейшего в России института, живущего целиком на западные гранты.

Перед тем как перейти к ним, необходимо сделать одно терминологическое замечание⁵⁶. Понятие «грант» используется в этом параграфе так, как оно обычно употребляется в описываемой в нем среде — как обозначение любых западных денег, выделенных на исследование. Условия выделения этих денег, как и характер работы, которую необходимо выполнить, чтобы по ним отчитаться, могут быть совершенно разными. «Грант» в этом широком смысле варьируется от денежных средств, выигрываемых на открытом конкурсе проектов с широкой тематикой, до сдельно оплачиваемой работы по сбору интервью для какого-нибудь западного исследователя. «Грантами» называются деньги, выделяемые индивидам, исследовательским группам или институтам (гранты на поддержание инфраструктуры). Эти разные формы финансирования дают совершенно разные эффекты в плане стимуляции собственной академической продуктивности. Ниже мы остановимся на одной из разновидностей грантов, которая, однако, занимала в жизни ЦНСИ исключительно важное место.

Из всех видов работ участие в совместных с западными партнерами проектах первым подпадает под подозрение как содержащее элементы прямой эксплуатации. И действительно, мы можем увидеть, что, хотя фактически большая часть работы, прodelываемой представителями ЦНСИ, осуществляется в рамках таких совместных проектов, участие в них редко связано с их долговременными профессиональными интересами. Согласно сведениям, представленным в официальном буклете ЦНСИ (Центр... 2006а), в 2004–2005 годах 39 сотрудников⁵⁷ Центра участвовали в 93 исследовательских проектах. Из этих проектов 44 были совместными с другими организациями, из них 25 — совместными с западными, 19 — с российскими партнерами. Поскольку в некоторых проектах было задействовано несколько человек, а один сотрудник мог участвовать в нескольких проектах, то количество случаев участия-сотрудников-в-проектах равнялось в общей сложности 172. На долю совместных с российскими партнерами приходилось 38 участия-сотрудников-в-проектах, на долю совместных с иностранными — 65, всего — 103.

Сравнивая данные этого буклета с данными следующего, посвященного 15-летию ЦНСИ (Центр... 2006б), мы можем получить следующую простую статистику, показывающую, какова была вероятность для проекта завершиться публикацией статьи⁵⁸ в зависимости от формы его финансирования в течение трех лет от начала действия гранта (см. табл. 3).

Мы видим, что (если предположить относительное равенство разных проектов с точки зрения затраченного на них времени) более половины труда сотрудников ЦНСИ уходило на проведение исследований по совместным проектам (60%) и более трети (38%) — на проекты, совместные с западными партнерами. Мы видим также, что вероятность выхода последующей публикации по этим проектам была несравненно ниже, чем вероятность публикации по результатам гораздо меньших в финансовом отношении индивидуальных стипендий и грантов. Причина хорошо понятна: индивидуальные стипендии люди получали под те темы, которыми они хотели заниматься и дальше, и поэтому видели перспективу в завоевании внимания исследо-

56 Внимание автора на важные институциональные различия, которые маскирует использование единого термина «гранты», обратил Даниил Александров.

57 Некоторые из них имели статус временных сотрудников, зачисляемых на время исполнения того проекта, в котором они участвовали. Количество постоянных научных сотрудников в это время колебалось у цифры 30.

58 Для построения этой статистики исследователю приходилось решать, имеет или не имеет каждая конкретная статья отношение к какому-то проекту, — контент-анализ, которыйотягощен очевидными методологическими проблемами. Общая политика в отношении подсчета состояла в том, чтобы учитывать только очевидные совпадения в указаниях на предмет исследования (скажем, в названии гранта и названии статьи фигурировали турки-месхетинцы или расизм в школьных учебниках). Разумеется, это исключало теоретические или методологические статьи, которые могли использовать результаты проекта, не ссылаясь на него в названии. К счастью для подсчитывающего, сотрудники Центра не злоупотребляли написанием таких статей — в общем массиве они составляют не более 10%.

Таблица 3

Форма финансирования	Количество проектов	Количество проектов, завершившихся публикацией ⁵⁹	Вероятность публикации статьи
Совместный проект с западным партнером	25	3	0,12
Совместный проект с российским партнером	19	3	0,18
Стипендия Фонда Бёлля ⁶⁰	5	2	0,40
Индивидуальный грант Фонда МакАртуров ⁶¹	5	2	0,40
Малый грант ЦНСИ (при поддержке МакАртуров) ⁶²	10	6	0,60
Европейский университет ⁶³	5	3	0,60
Проект обозначен как инициативный	8	3	0,38
Общее количество проектов и их доля в массиве	78 (84%)		

вателей по той же теме⁶⁴. В конце концов, эти темы, в отличие от тех, которыми они занимались за деньги, были им гораздо больше лично интересны⁶⁵.

Характерно в этом смысле, что наиболее масштабные совместные проекты, в которых принимали участие наибольшее количество сотрудников, зачастую не приводили ни к каким публикациям вовсе. В 2004–2005 годах мы имеем шесть проектов, в которых было задействовано четыре и более человек: «Между интеграцией и переселением: Месхетинские турки» (Проект Европейского центра по делам меньшинств, Фленсбург, пять человек), «Бум посредников и неформальные отношения в бизнес-сфере и повседневной жизни: туристические фирмы, таможенные брокеры и челноки в Санкт-Петербурге» (Совместный проект с институтом

59 Считалась только первая статья, опубликованная хотя бы одним участником проекта, все последующие статьи не учитывались. Цифры становятся еще красноречивее, когда мы обращаем внимание на то, что среднее количество занятых в совместном проекте составляло несколько человек (2 — для совместного с российским партнером проекта, 2,6 — для совместного с иностранным), а все остальные виды проектов включали, как правило, только одного исследователя.

60 Фонд Генриха Бёлля распределяет небольшие стипендии (около 100 евро в месяц сроком на 18 месяцев) среди молодых ученых по специальностям социология, история и права человека.

61 В течение 1996–2005 годов Фонд МакАртуров распределял индивидуальные исследовательские гранты, составлявшие 600 долларов в месяц (на срок до 18 месяцев).

62 В 2004–2005 годах ЦНСИ при поддержке фонда МакАртуров проводил конкурс инициативных проектов среди своих сотрудников, распределяя среди них суммы порядка 600 долларов.

63 Сюда сотрудники ЦНСИ, являвшиеся одновременно слушателями Европейского университета, относили поддержку стипендиями своих диссертационных проектов.

64 Надо добавить еще и то, что условия, на которых осуществлялся найм, часто практически исключали для российской стороны возможность публикации, поскольку монопольные права на распространение результатов западный партнер сохранял за собой. Именно эта практика вызывала среди российских исследователей наиболее горькие ремарки по поводу «академического колониализма».

65 Понятие «личного интереса» явным образом лежит за пределами той теоретической модели, которая была предложена вначале. На примере ЦНСИ и сходных организаций мы особенно хорошо видим, где лежат ее ограничения. У большинства сотрудников Центра были и есть свои собственные исследовательские интересы, которыми они не согласны пожертвовать ни ради тех областей исследований, которые сулили им больше денег, ни ради тех, которые гарантировали больше славы. Наличие этих приоритетов редко могло определить выбор в конкретных ситуациях: раз за разом оказывалось, что необходимость заплатить за квартиру в следующем месяце заставляет отложить написание книги своей жизни на неопределенное «потом».

Джефферсона, Вашингтон, четыре человека), «Вдали от городов: Жизнь восточноевропейского села» (Совместный проект с университетом Магдебурга, шесть человек), «Повседневная эстетика в советской коммуналной квартире» (Совместный проект с Шеффилдским университетом, четыре человека), «Формирование среды обитания: Процессы модернизации на Северо-Западе России» (совместный проект с Университетом Луллеа, пять человек). Даже при очень широких критериях того, что считать «представляющей результаты проекта статьей», на конец 2006 года по мотивам этих проектов опубликовано не более четырех текстов (Мейлахс 2006; Чикадзе 2006; Богданова 2006; Чикадзе 2004)⁶⁶.

Другой характерный пример: официальный буклет, посвященный 15-летию ЦНСИ, содержит 25 персональных страниц, представляющих научных сотрудников института, проживающих в России⁶⁷ (ЦНСИ... 2006а). Для этих страниц самими сотрудниками было отобрано 96 статей, наилучшим образом, с их точки зрения, дополняющих их интеллектуальный портрет. Из этих статей не более четверти (24) можно было соотнести с названием какого-либо совместного проекта, в котором сотрудникам приходилось участвовать. Более половины (62) явным образом не были связаны ни с одним таким проектом (14 статей автор затруднился классифицировать, поскольку они были посвящены более широкому теоретическим и методологическим вопросам).

Количественные оценки, которые можно сделать на основании этих данных, разумеется, очень приближительны. Тем не менее похоже, что от трети до половины времени и сил молодых исследователей, принадлежащих к ориентированному на грантовую экономику сегменту профессии, тратятся на проекты, в которых они участвуют в качестве наемной рабочей силы и которые они не рассматривают как сколько-нибудь существенную часть своей профессиональной траектории. Разумеется, эта доля распределена очень неравномерно: для «кулаков» в этой стратификационной системе она пренебрежимо мала, а силы «пролетариата» поглощает целиком.

При распространении этих данных на российскую социологию в целом надо, однако, иметь в виду, что у сотрудников ЦНСИ больше возможностей для выбора проекта, в котором они могут участвовать, чем у сотрудников какого-либо другого исследовательского института. В силу размера Центра и его международной известности в него стекается значительное количество предложений⁶⁸. Те, кто не существует в настолько же богатой ресурсами среде, — что, вероятно, относится к подавляющему большинству российских социологов — вынуждены продавать себя на значительно менее выгодных условиях.

2. БЫСТРАЯ ГРАНТОВАЯ ЭКОНОМИКА

Необходимость периодически подрабатывать, участвуя в проектах, которые не имеют никакого отношения к избранной индивидом специализации, является, однако, не единственным неприятным следствием постоянной нужды. Другой и, возможно, имеющий еще худшие последствия эффект — сам стиль работы, который вытекает из безденежья. Цикл исследовательского проекта в грантовой экономике начинается с написания заявки или поиска партнера и продолжается полевым периодом, за которым следует подготовка отчета. Последней фазой цикла, по логике вещей, должна становиться публикация результатов: подготовка статей и книг, а также посещение соответствующих конференций. Этот этап, однако, не оплачивается непосредственно из грантовых средств и только откладывает переход к работе по следующему гранту. Для уче-

⁶⁶ Проект по туркам-месхетинцам увенчался монументальной публикацией в конце 2007 года (Триер, Ханжин 2007). Я лишь могу добавить свои поздравления к прочим поздравлениям в адрес авторов. Публикации по еще нескольким проектам находятся в стадии подготовки, которая, правда, как с готовностью признают сами исследователи, «переходит у нас все мыслимые сроки».

⁶⁷ 26-м сотрудником была Ингрид Освальд, значительная часть проектов которой не получила отражения в русскоязычном издании и которая была поэтому исключена из анализа.

⁶⁸ Указание на известность ЦНСИ выглядит противоречащим сказанному ранее об его относительном неуспехе в экономике внимания. Противоречие, однако, существует лишь до тех пор, пока мы не учитываем качественные различия в характере внимания. Учреждение может быть известно как надежный поставщик рабочей силы, но не как место работы интересных исследователей. Некоторые из российских исследовательских центров (к ЦНСИ это относится в гораздо меньшей степени, чем ко многим другим) весьма широко известны за пределами страны исключительно в первом качестве.

ных «бедной науки» существует очень сильный соблазн перескочить через этот этап, сразу приступив к новой оплачиваемой работе. Такая стратегия, максимизирующая экономические выигрыши в краткосрочной перспективе, очевидным образом снижает выигрыши в известности и соответственно экономические выигрыши в перспективе долгосрочной. Все это очень хорошо осознается самими исследователями, однако необходимость быстрого получения наличности ограничивает свободу их маневра.

На примере ЦНСИ мы видим, как работает этот «порочный круг бедности» в экономике внимания. Большая часть его сотрудников постоянно перегружена текущими проектами⁶⁹. Книжки, подводные результаты крупных проектов, которые должны были стать визитной карточкой института, годами остаются недописанными, поскольку то один, то другой из соавторов не может уделить несколько дней написанию своих разделов, и ни у кого нет времени на их редактирование. На конец 2007 года недописанными оставались пять коллективных монографий, включая, например, итоговую книгу по «деревенскому проекту» — самому крупному из всех проектов ЦНСИ за все время его существования, или собираемый с 2001 года том «Социолог в поле», который должен был закрепить за Центром статус главного оплота качественной методологии в национальном масштабе.

Последние годы только усилили этот прессинг на каждого из сотрудников Центра. Рост цен стремительно сокращал зарплаты, выплачиваемые в валюте или рублевом эквиваленте, однако эти зарплаты оставались неизменными. Так, фонд Белля сохранил исходный размер стипендий в 200 марок (100 евро), фонд Мак-Артуров все 10 лет действия программы индивидуальных грантов выдавал по 600 долларов, а стипендия слушателей Европейского университета колебалась на уровне 100–120 долларов, фактически сократившись даже по номиналу с конца 1990-х годов. Если в начале 1990-х и после дефолта эти суммы были весьма внушительными (100 долларов осенью 1998 года считались в Петербурге приемлемой зарплатой для молодого специалиста, только что окончившего университет), то к 2007 году они превратились в мизерные. Цены на аренду жилья — основная статья расходов многих российских молодых ученых — в Петербурге за этот период выросли примерно в четыре раза.

Более того, на фоне этого абсолютно сокращения доходов последовало сокращение относительное, внутри профессии. Зарплаты преподавателей и стипендии аспирантов Европейского университета, служившие прежде символом преуспевания их сегмента дисциплины, сравнялись, а затем и стали уступать зарплатам и стипендиям их коллег из СПбГУ. Сегмент стремительно терял конкурентоспособность на рынке труда. Для ЦНСИ это отразилось прежде всего в замедлении притока новых людей: из нынешних научных сотрудников ни один не присоединился к Центру после 2004 года, а ядро составляют люди, пришедшие еще в 1990-х. Старые сотрудники могли — за счет естественного приращения в ходе карьеры всевозможных социальных ресурсов — компенсировать для себя сокращение зарплат изобретением новых возможностей для заработка, но новым людям оказывалось очень сложно найти для себя какую-то нишу⁷⁰.

Сокращение фактической заработной платы в рамках каждого проекта заставляло российских участников грантовой экономики соглашаться на все большее и большее их количество. Потребовалось бы специальное исследование политики фондов и спроса на рынке исследовательского труда, чтобы объяснить, почему заработная плата не повышалась пропорционально росту цен и инфляции доллара. Фактом остается то, что она не повышалась, и это обстоятельство дополнительно укрепило положение тех, кто появился на рынке раньше, поскольку в момент, когда они начинали свою карьеру, финансовые условия работы

---

61 Вот несколько цифр: в 2004–2005 годах из 172 случаев-участия-сотрудников-в-проектах 55 (немногим меньше трети) приходилось на долю семи самых энергичных сотрудников, один из которых принял участие в 11 проектах, один — в 10, двое — в 9, один — в 8 и двое — в 7. Количество проектов, в которых индивид принимал участие, никак не коррелировало с его / ее публикационной активностью (коэффициент корреляции Пирсона 0,02, ранговой корреляции — 0,11). Те, кто был наиболее энергичен в работе в проектах и у кого теоретически должен был бы скопиться наибольший эмпирический материал, вовсе не обязательно были теми, кто опубликовал больше всего текстов.

62 Особенностью подобной поденной занятости является то, что любое временное выпадение из нее — скажем, в результате беременности — ведет к моментальной потере всяких средств к существованию.

позволяли проводить исследования более тщательно и тратить больше времени на продвижение их результатов, чем это было с пришедшими следом. Как и в случае со всеми прочими интеллектуальными сетями, в выигрыше оставались те, кто начал эксплуатировать новую институциональную базу первым (Collins 1989).

Единственной крупной исследовательской работой, тему которой молодые представители ориентированного на грантовую экономику сегмента выбирали более-менее в соответствии со своими интересами и которую они вынуждены были довести до конца и превратить в цельный текст, была их диссертация. Неудивительно, что написание диссертации превращается для них в мучительный процесс, растянутый на долгие годы, и что большинство из них защищается сравнительно поздно по отечественным стандартам, если защищается вовсе. Если для молодых преподавателей соцфака СПбГУ средним возрастом защиты становится 25–26 лет, то для представителей описываемой в этом параграфе части профессионального сообщества 30 считается ранним сроком, несмотря на то, что их опыт участия в исследованиях и теоретический кругозор, как правило, несравненно шире. Из 27 научных сотрудников, работавших в ЦНСИ в конце 2007 года, ученые степени имели всего одиннадцать (десять кандидатов наук и один *habilitation* — Ингрид Освальд), причем из этих одиннадцати четверо получили степень до прихода в Центр и не по социологии.

3. «ДЕШЕВАЯ ТЕОРИЯ»

Наконец, необходимость существовать в рамках грантовой экономики накладывает отпечаток на выбор, который определяет интеллектуальное лицо индивида — выбор области специализации, теоретических ориентаций и методологии. Влияние приоритетов фондов на выбор специализации наиболее очевиден, но при этом наименее проблематичен. Многие фонды определяли список приоритетных тем, которые соответствовали представлениям их экспертов об основных проблемах российского общества. Интересы партнеров из западных университетов были шире (отметим широкий интерес к историческим исследованиям советского общества), однако относительные гарантии постоянной занятости в рамках избранной специализации все равно имели только те, кто занимался одной из приоритетных тем. Неудивительно поэтому, что направления исследований организаций, специализировавшихся на грантовом рынке, часто повторяли эту структуру приоритетов.

Это структурирование предложения запросами внешнего заказчика на национальном рынке внимания часто вызывало нарекания — в духе теорий академической зависимости (Alatas 2003) — как навязанная интеллектуальным колониализмом иррелевантность проблематики исследований подлинным интересам общества. Существующую здесь проблему не стоит, однако, преувеличивать. Список приоритетов фондов всегда был достаточно широким, чтобы подавляющее большинство социологов могло найти компромисс между своими интересами и интересами грантодающих организаций (*«я хотела заниматься феноменологией постмодерной идентичности... поэтому жила с разных грантов про права меньшинств»*)⁷¹. Гораздо хуже была узда, налагаемая на гранты другими сторонами жизни.

Для того чтобы текст был идентифицирован как социологический, он должен опираться на соответствующий теоретический аппарат. Аккумуляция должного культурного капитала (познаний в социологической теории), таким образом, была необходимой предпосылкой получения денег со стороны западных партнеров или фондов, и занимавшие эту экономическую нишу исследователи быстро приобретали соответствующую компетентность. Проблема заключалась в том, что они действовали под сильным давлением обстоятельств, принуждавших их как можно скорее накопить необходимый минимум этого человеческого капитала и в дальнейшем жить с него, не пытаясь приумножить его или произвести его апгрейд. Расширение теоретического кругозора представляло собой тот самый вид долговременных инвестиций, который они не могли себе позволить. Как правило, российские агенты грантовой экономики осваивали один-единственный теоретический язык, который и использовали в дальнейшем как универсальный инструмент (чаще всего этой теоретической валютой оказывалась расширительно понятая «качественная социология»).

71 Что не значит, разумеется, что в этом поиске компромиссов не заключено своих проблем разного рода (Соколов 2006).

С этим подходом к инвестициям внимания в изучение теории связано несколько незаметных на первый взгляд, но в долговременной перспективе очень серьезных осложнений. Во-первых, человеческому капиталу в социальных науках свойственно устаревать⁷². Во-вторых, то обстоятельство, что контрагентами, которым приходилось доказывать ценность своей работы, были западные исследователи, приводило к тому, что роль основной интеллектуальной валюты неизменно доставалась западной же теории. Изучение текстов на иностранном языке стало гораздо более выгодной инвестицией внимания, чем изучение текстов на русском: при подготовке заявки на иностранном языке только на них и можно было при случае сослаться. Теоретический текст, существующий исключительно на русском языке, исходно представлял в этом смысле значительно меньшую ценность. Многократно оплаканное отсутствие русскоязычной теоретической дискуссии является неизбежным следствием этого положения вещей. Характерно, что работы российских ученых, которые все же создали себе некоторую репутацию в этом сегменте дисциплины, как правило, были доступны как на русском, так и в переводах на английский (или, чаще, как на английском, так и в переводах на русский).

Наконец, преобладающие методы исследования также подвергались селекции на основании их вписываемости в потребности грантовой экономики. Методы, требовавшие долгого и тщательного изучения, проигрывали тем, освоить которые можно было относительно быстро. Методы, использование которых предполагало значительные финансовые затраты, уступали в этой конкуренции тем, которые не требовали ничего, кроме минимальных технических средств. Наконец, методы, применение которых предполагает долгие периоды исследовательской работы, отступали перед теми, которые позволяли быстро завершить проект и приступить к следующему. Первое и второе практически исключало использование современной статистики, обучение которой занимает много времени и которая, как правило, требует проведения дорогостоящих опросов. Третье исключает социально-исторические исследования и продолжительную этнографическую полевую работу⁷³.

Что остается? Неформализованные интервью и дискурс-анализ, которые обладают тем достоинством, что их качественное исполнение отличается от некачественного, прежде всего, тщательностью интерпретации, а не количеством и характером собранного материала. Эти соображения проливают дополнительный свет и на теоретические предпочтения ориентированного на грантовый рынок сегмента профессии. Теории предполагают определенные методы исследования. Фуко и *cultural studies* приобрели такую популярность, а Коулмэн и *social science history* не имели никаких шансов, поскольку первые легко сочетались с исследовательской практикой, на которую молодые российские агенты грантовой экономики были заведомо обречены, а вторые не могли быть вписаны в нее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попробуем резюмировать все сказанное выше. Недостаток финансирования институтов науки вызывает изменения в логике поведения ученых, прежде всего в пропорции их усилий, направленных на успех в «экономике денег» и «экономике внимания». Работа, которая может принести известность спустя какое-то время, откладывается в сторону ради работы, которая принесет заработок немедленно. Эти изменения трансформируют всю систему обменов вниманием, составляющую научную коммуникацию. Результатом становится общее снижение ее эффективности — если хотите, сокращение совокупного интереса, который работы

---

72 И многие исследователи из Петербурга и за его пределами в последние годы начали предъявлять ключевым фигурам «грантовой экономики» обвинения в несовременности, которые те прежде сами использовали против своих «позитивистских» оппонентов: *«Я считаю минусом излишнюю зацикленность на одной парадигме... Феноменология, ну, 60-ые — они уже давно прошли, наверное, и заниматься все время одним и тем же — это скучно, наверное, и бесконечно интерпретировать социальную реальность с позиции Гоффмана — это одна из книг. Это одна из многих. Есть гораздо более интересные вещи».*

73 Несмотря на то что «этнография» провозглашается этим сегментом профессионального сообщества предпочтительным методом исследования, в распоряжении его представителей редко оказывается возможность заниматься ею всерьез, полностью выпав из ритма академической жизни и погрузившись на годы в какое-нибудь экзотическое сообщество.

российских социологов представляют для их коллег. Многократно констатированное не-возникновение в России самостоятельных теоретических групп, фрагментация «пространства внимания» дисциплины, приводящая к многократному дублированию результатов, не завершающемуся кумуляцией, наконец, появление огромного количества чисто ритуальных публикаций и ритуальных мероприятий, никем не рассматриваемых как средство обмена информацией, являются составными частями этого положения вещей.

Ни одна из нескольких сосуществующих параллельно в России институциональных баз научной жизни — ни «грантовая экономика», ни система вузов Министерства образования, ни Академия наук — не смогла в полной мере компенсировать негативные последствия для экономики внимания, вызванные изменением мотивации ученых. Сами эти базы стали основанием для фрагментации дисциплины, создав ее «академические миры», изолированные друг от друга. «Академический мир» государственных кафедр и факультетов социологии создал, возможно, наименее благоприятные условия для включения его обитателей в экономику внимания, не предоставляя им практически никаких вознаграждений за успех в ней и, наоборот, выплачивая значительные премии за то, что те соглашались на работу, не имевшую к приобретению научной репутации никакого отношения. Противоположный ему во многих отношениях мир «грантовой экономики» дает значительно более противоречивую картину. Его обитатели имели значительно большие ресурсы и стимулы для того, чтобы эффективно инвестировать собственное и привлекать чужое внимание. Существовали, однако, и ограничения, связанные со структурой грантового финансирования: некоторые темы, подходы, стратегии и методы исследования позволяли обеспечить более высокий уровень экономической безопасности. Это обстоятельство производило весьма жесткую селекцию стилей работы, в результате которой реально было проведено лишь незначительное число исследований из потенциально способных привлечь внимание коллег. И даже результаты этих немногих часто не становились последним известными.

Вопрос, обсуждением которого этот текст должен закончиться, касается применимости всего сказанного к более широкому российскому контексту. Петербургский случай специфичен. Насколько известно автору, нигде больше в стране не имеет места столь же явная дифференциация организационных баз и изоляция их социальных сетей. Даже в Москве, общее количество социологов в которой, вероятно, не меньше, чем в Петербурге, мы не обнаруживаем столь же четкой сегрегации молодых и полностью ориентированных на интернациональную науку исследователей и старших по возрасту и ориентированных на российские фонды, исследования для отечественных заказчиков и ресурсы Академии наук ученых. Московский Институт социологии РАН значительно теснее связан с университетами, чем его бывший петербургский филиал (поставляющий преподавателей только на небольшой факультет социологии Государственного университета культуры и искусств). В меньших по размеру городах представителям этих трех сегментов часто приходится уживаться в пределах одной-единственной организации. У автора сложилось впечатление, что сама по себе пространственная близость не влечет за собой изменений в каждом из этих трех стилей академической жизни, но потребуются больше данных, чтобы эта уверенность получила документальное подтверждение.

Данные, использованные в этой статье, начали собираться автором задолго до того, как были им распознаны в качестве данных. По сути дела, они коллекционировались им на протяжении 13 лет с момента его поступления на факультет социологии СПбГУ и соответственно с первого соприкосновения с петербургской социологией. С тех пор автор успел приобрести личное знакомство с большинством описанных выше организаций. На факультете социологии СПбГУ он учился в 1994–1999 годах, а затем защитил там же диссертацию в 2003 году и преподавал в 2005–2007 годах. В 1997–1998 годах он недолгое время работал лаборантом в СИ РАН, где затем учился в аспирантуре между 1999 и 2003 годами. С 2001 года он является сотрудником ЦНСИ, а с 2006 года — преподавателем Европейского университета в СПб. С осеннего семестра 2007 он работает в «Вышке». Более систематический сбор данных был начат им в 2002 году, в сотрудничестве с Ириной Олимпиевой и Натальей Кравец (информация для справочника СПАС и анкетный опрос членов ассоциации), а также с Федором Погореловым (интервью и анкетный опрос).

Рис. 1 и 2 представляют результаты анализа корреспонденций. Данные получены из справочника «Социологи Петербурга: Кто есть кто» и в ходе анкетного опроса членов СПАС, проводившегося в 2003 году⁷⁴. Оси соответствуют двум первым факторам (для рис. 1 общее количество объясненной инерции равно 29,1%, для рис. 2 — 30,2%). Переменным на рисунке соответствуют следующие формулировки вопросов: (данные, полученные на выборке всех членов Ассоциации (N = 167), обозначены литерой С, данные анкетного опроса (N = 93) — литерой А).

41–50 — от 41 до 50 лет на 1 января 2004 (С)

51–60 — от 51 года до 60 лет (С)

berluc — упомянул(а) «Социальное конструирование реальности» Бергера и Лукмана в качестве наиболее повлиявшей книги (А)

cisr — сотрудник Центра независимых социологических исследований (С)

constructivist — идентификация своей теоретической позиции как «конструктивистской» (А)

content — использовал(а) контент-анализ в течение последних пяти лет (А)

correlate — использовал(а) корреляционный анализ в течение последних пяти лет (А)

discourse — использовал(а) дискурсивный анализ в течение последних пяти лет (А)

doctor — степень доктора наук (С)

electoral — занимался постоянно или время от времени в течение последних пяти лет предвыборными исследованиями (А)

everyday — указал(а) социологию повседневности как «очень интересующую» область исследований (А)

eu — сотрудник Европейского университета в СПб (С)

eued — выпускник Европейского университета в СПб (С)

factor — использовал факторный анализ в течение последних пяти лет (А)

fordegree — зарубежная ученая степень, MA или Ph.D. (С)

forfund — получал(а) гранты от зарубежных фондов (С)

forlang — в анкете указал, что может «свободно участвовать в профессиональной дискуссии» на иностранном языке (А)

⁷⁴ Более подробная информация об исследовании, вопросы и одномерные распределения ответов см. в (Погорелов, Соколов 2004). Как следует из всего сказанного выше, выборка членов СПАС ни в коей мере не может считаться репрезентативной для петербургской социологии (как и никакая другая выборка). Даже основные организации, описанные в этом тексте, представлены в Ассоциации очень неравномерно. Так, из 117 штатных сотрудников факультета, работавших в СПбГУ в 2003 году, в Ассоциации состояли лишь 23, плюс два аспиранта и один студент (19,7%), из 74 сотрудников СИ РАН — 33 (44,6%), из 35 сотрудников ЦНСИ — 28 (80%). Однако поскольку цель данного анализа — указать на некоторые взаимосвязи между переменными, сам по себе недостаток репрезентативности не является существенным ограничением.

- forpub** — указал(а) в справочнике публикации на иностранном языке (С)
- functionalist** — идентификация своей теоретической позиции как «функционалистской» (А)
- gender** — указал(а) гендерные исследования как «очень интересующую» область исследований (А)
- globaliz** — указал(а) глобализацию как «очень интересующую» область исследований (А)
- histruss** — указал(а) социологию повседневности как «очень интересующую» область исследований (А)
- jadov** — книги В.А. Ядова упомянуты в числе наиболее повлиявших (А)
- lectur** — чтение лекций в вузе (С)
- niiksi** — сотрудник НИИ комплексных социальных исследований при СПбГУ (С)
- noproject** — не указал(а) в справочнике ни одного исследовательского проекта (С)
- older than 60** — старше 60 лет (С)
- particip** — использовал включенное наблюдение в течение последних 5 лет (А)
- phenomenology** — идентификация своей теоретической позиции как «феноменологической» (А)
- positivist** — идентификация своей теоретической позиции как «позитивистской» (А)
- publications** — более 35 (медиана для выборки) публикаций (С)
- qualitative** — сторонник «качественной методологии» в споре «качественников» и «количественников» (А)
- rgnf/rffi** — получал(а) гранты РГНФ/РФФИ (С)
- siran** — сотрудник Социологического института РАН (С)
- slavophil** — поддерживает «заботу о сохранении и воссоздании национальной социологической школы» (А)
- socdep** — сотрудник факультета социологии СПбГУ (С)
- soczhur** — указал(а) публикации в «Социологическом журнале» (С)
- spbsocedu** — выпускник факультета социологии СПбГУ (С)
- stateexp** — был постоянно или время от времени в течение последних пяти лет экспертом в государственных учреждениях (А)
- telescope** — указал(а) публикации в «Телескопе: Журнале наблюдений за повседневной жизнью петербуржцев» (С)
- vestnik** — указал(а) публикации в «Вестнике СПбГУ» (С)
- younger than 40** — младше 41 года (С)

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор любой социологической статьи может поблагодарить своих коллег как минимум за то, что они прочитали до того места, где выражаются благодарности. Авторы большинства задолжают сообществу значительно больше. Автор этой статьи честно признается, что остался должен практически все, так как все предшествующее этому абзацу есть не более чем систематизация стихийного самоописания дисциплины. Все написанное выше я уже слышал из чьих-то уст. Сложность в том, что этих уст было так много, что перечисление подлинных авторов совпало бы со списком моих российских (и не только российских) коллег, с которыми нас объединяет более, чем однократное столкновение на фуршете. Тем не менее я не стану отказывать себе в удовольствии упомянуть персонально Даниила Александрова, Майкла Буравого, Виктора Воронкова, Елену Здравомыслову, Оксану Карпенко, Наталью Кравец, Ирину Олимпиеву, Федора Погорелова, Николая Скворцова, Кирилла Титаева, Юргена Фельдхоффа и Марию Юдкевич, а также участников обсуждения разных версий этого текста на семинарах Лабораторий институционального анализа и образования и науки ГУ — ВШЭ и Центра независимых социологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров, Даниил. 2006. Места знания: Институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // *Новое литературное обозрение* 77: 273–284.
- Богданова, Елена. 2006. Антропология деревенской двухэтажки, или к вопросу о неудавшихся проектах власти // *Крестьяноведение* 5: 351–366.
- Бурдьё, Пьер. 2002. Поле науки // *S/L'2002. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук*. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя.
- Ильина, Марина и Наталья Кравец. 2003. *Социологические организации Санкт-Петербурга и Северо-Запада*. СПб.: Алетейя.
- Калимуллин, Тагир. 2006. Российский рынок диссертационных услуг // *Экономическая социология* 7 (1): 14–37.
- Каради, Виктор. 2004. Стратегии повышения статуса социологии школой Эмиля Дюркгейма // *Журнал социологии и социальной антропологии* 5: 12–49.
- Коллинз, Рэндалл. 2002 (1998). *Социология философии: Глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Мейлахс, Петр. 2006. Отдавая родине должное: Опыт этносимволического анализа случая турок-месхетинцев центральной России // *Ab Imperio* 2: 233–274.
- Норт, Дуглас. 1997 (1990). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Начала.
- Погорелов, Федор и Михаил Соколов. 2004. Интеллектуальный ландшафт Санкт-Петербургской социологии: Попытка картографии // *Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев* 1: 59–64.
- Погорелов, Федор и Михаил Соколов. 2005. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: Фрагментация петербургской социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии* 2: 76–92.
- Преподаватели социологии Санкт-Петербурга*. 2001 / Сост.: А.О. Бороноев, М.П. Готов. СПб.: СПбГУ.
- Семенова, М.В. (ред.). 2007. *Экономика университета: Институты и организации*. М.: Издательство ГУ — ВШЭ.
- Соколов, Михаил. 2003. Академический турист как социальный тип // *Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев* 6: 30–33.
- Соколов, Михаил. 2007. Реформируем ли соцфак МГУ? Некоторые институциональные препятствия на пути студенческой революции. Опубликован на сайте «Полит.Ру»: www.POLIT.ru/story/sozfak.html.
- Соколов, Михаил. 2006. Русский бунт Елены Омельченко (Рецензия на «Молодежь. Открытый вопрос» Елены Омельченко) // *Журнал социологии и социальной антропологии* 4: 178–185.
- Социологи Петербурга и Северо-Запада: Кто есть кто*. 2003 / Сост.: М.А. Ильина, Н.П. Кравец, и М.М. Соколов. СПб.: Алетейя.
- Титаев, Кирилл. 2006. *Неформальные обмены в российском высшем образовании*. СПб.: Европейский университет. Неопубликованная магистерская диссертация.
- Титаев, Кирилл. 2007. Научные сети на постсоветском пространстве: Внутреннее устройство научной фирмы. *Неопубликованный манускрипт*.
- Триер, Томас и Андрей Ханжин (ред.). 2007. *Турки-месхетинцы: Интеграция? Репатриация? Эмиграция?* СПб.: Алетейя.
- Филиппов Александр. 1999. Теоретическая социология. Филиппов А.Ф. (ред). *Теория общества*. М.: Канон-Пресс: 7–33.
- Фирсов Борис. 2001. *История советской социологии 1950–1980-х годов*. СПб.: Алетейя.
- Центр независимых социологических исследований: 15 лет*. 2006а. СПб.: ЦНСИ.
- Центр независимых социологических исследований. 2004–2005 годы*. 2006б. СПб.: ЦНСИ.
- Чикадзе, Елена. 2006. Представление турок-месхетинцев о доме и родине // *Диаспоры* 2: 36–61.
- Чикадзе, Елена. 2004. Другая жизнь старой деревни // *Отечественные записки* 17 (2): 488–495.
- Abbott, Andrew. 2001. *The Chaos of Disciplines*. Chicago and London: University of Chicago Press.
- Abbott, Andrew. 1997. "On Time and Space: The Contemporary Relevance of the Chicago School." *Social Forces* 74 (4): 1149–1182.
- Abbot, Andrew. 1988. "Transcending General Linear Reality." *Sociological Theory* 6 (2): 169–186.
- Alatas, Syed Farid. 2003. "Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences." *Current Sociology* 51 (6): 599–613.
- Banfield, Edward. 1958. *The Moral Basis of a Backward Society*. New York: The Free Press.
- Becher, Tony. 2001. *Academic Tribes and Territories. Academic Inquiry and the Culture of Discipline*. Open University Press.
- Bourdieu, Pierre. 1983. "The Field of Cultural Production, Or the Economic World Reversed." *Poetics* 12: 311–356.
- Bourdieu, Pierre. 1988. *Homo Academicus*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Bourdieu, Pierre. 1996. *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Cambridge: Polity Press.
- Collins, Randall. 1989. "Toward a Theory of Intellectual Change: The Social Causes of Philosophies." *Science, Technologies and Human Values* 14 (2): 107–140.
- Crane, Diana. 1972. *Invisible Colleges: Diffusion of Knowledge in Scientific Communities*. Chicago: University of Chicago Press.

- Eckberg, Douglas Lee and Lestar Hill. 1979. "The Paradigm Concept and Sociology: A Critical Review." *American Sociological Review* 44: 925–937.
- Foss, Paul. 1995. *Economic Approaches to Organizations and Institutions*. Ashgate.
- Gans, Herbert. 1992. "Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science." *Sociological Forum* 75 (4): 701–710.
- Goffman, Erving. 1961. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and other Inmates*. New York: Anchor Books.
- Kotkin, Stephen. 2006. *Innovation: Individuals, Networks, Patronage (An evaluation of higher education support in Russia prepared for Moscow Ford Foundation office)*. Unpublished manuscript.
- Hagstrom, Warren. 1965. *The Scientific Community*. New York: Basic Books.
- Lanham, Richard. 1994. "The Economics of Attention," Proceedings of the 124th Annual Meeting, Association of Research Librarians, Austin, Texas, <http://sunsite.berkeley.edu/ARL/Proceedings/124/ps2econ.html>.
- Latour, Bruno. 1983. "Give Me a Laboratory, and I Will Raise the World," in: Knorr-Cetina Karen D. and Michael Mulkey (eds.) *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science*. London: Sage, 141–171.
- Latour, Bruno and Steve Woolgar. 1979. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London and Beverly Hills: Sage.
- Lynch, Michael. 1982. "Technical Work and Critical Inquiry: Investigation in a Scientific Laboratory." *Social Studies of Science* 12 (4): 499–533.
- Lynch, Michael. 1995. *Scientific Practice and Ordinary Action. Ethnomethodology and Social Studies of Science*. Cambridge University Press.
- Merton, Robert. 1973. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press.
- Merton, Robert K. 1968. "The Matthew Effect in Science." *Science* 159: 56–63.
- Mullins, Nicholas. 1977. *Theories and Theory Groups in Contemporary American Sociology*. New York: Harper and Row.
- Parsons, Talcott. 1963. "On the Concept of Influence." *Public Opinion Quarterly* 23 (1): 37–62.
- Scheff, Thomas. 1995. "Academic Gangs." *Crime, Law and Social Change* 23: 157–162.
- Starr, Paul. 1982. *The Social Transformation of American Medicine*. New York: Basic Books.
- Whitley Richard. 1985. *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. Oxford and New York: The Clarendon Press, Oxford University Press.
- Wible, James R. 1998. *The Economics of Science: Methodology and Epistemology as if Economics Really Mattered*. New York: Routledge.
- Wiley, Norbert. 1979. "The rise and fall of dominating theories in American sociology," in: W. E. Snizek, E. F. Fuhrmann, and M.K. Miller (eds.) *Contemporary Issues in Theory and Research: a metasociological perspective*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 49–78.